

Учреждение образования
«Белорусский государственный университет культуры и искусств»

Факультет культурологии и социально-культурной деятельности
Кафедра культурологии

СОГЛАСОВАНО

Заведующий кафедрой

А.И. Смолик

«16» 04 2023 г.

СОГЛАСОВАНО

Зам.декана факультета

А.М.Стельмах

«29» 04 2023 г.

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
ПО УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ**

ОСНОВЫ СИНОЛОГИИ

для специальности 6-05-0314-02 “Культурология”

Составители:

А.И. Смолик, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств»;

Е.А. Криштаносова, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии учреждения образования “Белорусский государственный университет культуры и искусств”.

Составители:

А.И. Смолик, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств»;

Е.А. Криштаносова, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств».

Рассмотрено и утверждено на заседании Совета факультета культурологии и социально-культурной деятельности «29» мая 2023 г., протокол № 10

Рецензенты:

Рогачова О. Вл., доцент кафедры педагогики социокультурной деятельности учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», кандидат педагогических наук, доцент.

Кафедра управления и экономики высшей школы ГУО «Республиканский институт высшей школы

Рассмотрен и рекомендован к утверждению:

Кафедрой культурологии

(протокол от 26.04.2023 г. № 12);

Советом факультета культурологии и социально-культурной деятельности

(протокол от 29.05.2023 г. № 10)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА	4
1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	6
2. ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	38
3. РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ	42
4. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ	48

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Совершенствование системы образования, включая высшую школу, предполагает формирование новых специальностей, актуальных в условиях современного развития социокультурного пространства. В силу сложившихся дружественных отношений Беларуси и Китая становится необходимым создание и функционирование специальностей, связанных с подробным изучением языка, культуры, особенностей межкультурных интеракций, особенностей мировосприятия и миропонимания. В связи с этим весьма важным представляется дисциплина «Основы синологии», позволяющая подготовить студента к более глубинному изучению китайской культуры.

Данная дисциплина составлена с учетом изменений образовательной парадигмы и определяется стандартом высшего образования. Отражает внутреннюю логику изучаемых методических проблем, ориентирует будущих специалистов на деятельность по овладению знаниями, умениями и навыками.

Цель – формирование компетенций в области эффективного использования теоретических концепций и подходов синологии в своей профессиональной деятельности.

Важнейшими задачами учебной дисциплины являются:

- формирование у студентов системы знаний по теории и истории китайской культуры;
- развитие у студентов способностей применять основы культурологических подходов, направление и школ в интерпретации культурологических универсалий для решения профессиональных задач;
- подготовка студентов к анализу и выбору методов исследования китайской культуры и закономерностей ее динамики;
- формирование навыков осуществления информационного поиска в различных документных потоках, проведения аналитико-синтетической обработки информации.

В процессе изучения дисциплины, согласно требованиям образовательного стандарта, студенты должны:

УК-1. Владеть основами исследовательской деятельности, осуществлять поиск, анализ и синтез информации.

УК-4. Работать в команде, толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные, культурные и иные различия

УК-5. Быть способным к саморазвитию и совершенствованию в профессиональной деятельности

БПК-1. Понимать цель и задачи будущей профессии.

БПК-14. Применять основные культурологические методы при анализе и моделировании особенностей взаимодействия в социокультурной сфере.

БПК-15. Применять основы культурологической парадигмы в интерпретации фундаментальных культурологических универсалий и отличий общества на локальном и региональном уровнях для решения профессиональных задач в соответствии с нормами международного и отечественного законодательства, моральными и этическими стандартами.

Учебным планом на изучение дисциплины “Основы синологии” предусмотрено всего 90 часов. Примерное распределение часов для дневной формы получения высшего образования 48 часов, из них лекционных - 26, семинарских – 22. Рекомендуемая форма контроля – экзамен.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ЛЕКЦИЯ 1. ВВЕДЕНИЕ.

СИНОЛОГИЯ И ЭТАПЫ ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ

В переводе с позднелатинского, Sina означает Китай. Таким образом, синология - это комплекс наук, исследующих культуру, религию, экономику, историю и язык Китая. Ученые, изучающие эту дисциплину, называются синологами. Другое название синологии - это китаеведение или китаистика.

В настоящее время наука синология вызывает интерес у многих ученых и даже получает распространение в широких кругах общественности. Люди изучают китайский язык, поступают в ВУЗы на специальности, связанные с востоковедением и китаеведением.

Синология или китаеведение – академическая дисциплина, которая сконцентрирована на изучении Китая через призму китайской философии, языка, литературы, культуры и истории.

Зачастую ее происхождение связывают с исследованиями западных и китайских ученых, особенностями становления и развития китайской культуры и цивилизации.

Считается, что синология эквивалентна изучению филологии, исторически была сформулирована данная гипотеза, которая просуществовала вплоть до XX века и получила название «китайская филология».

В наше время синология как научное направление и академическая дисциплина приобретает все большую актуальность и рассматривает вопросы и проблемы, связанные с философией, культурой, политикой, идеологией, образованием и т.д. поэтому синология имеет весьма прочную связь с другими социально-гуманитарными дисциплинами (история, культурология, философия, филология, политология, социология и т.д.).

В современном мире Китай является одним из лидеров и сотрудничает с многими странами, поэтому изучение синологии имеет колоссальный практико-ориентированный дискурс. Следует учитывать, что историческая

закрытость китайского национального пространства еще больше усиливает интерес к изучению данной культуры с целью выстраивания правильного и конструктивного диалога с одной стороны и узнавания новой традиционной культуры с другой. Таким образом, следует отметить, что особую популярность синология приобретает в контексте налаживания международных культурных связей, когда остро встает проблема изучения специфики Китая. Именно поэтому синология приобрела не только статус научного исследования, но и образовательной парадигмы. Многие университеты всего мира начинают вводить не только в рамках существующих специальностей дисциплины по синологии, но и целые специальности.

Следует отметить, что Китай является страной с многовековой историей цивилизации. Среди древнейших культур китайская не исчезла, а продолжает развиваться до сегодняшнего времени. На протяжении тысячелетия практически до промышленной революции Китай находился в авангарде мировой экономики, науки, техники и культуры.

Феномен китайской цивилизации на протяжении многих столетий находился в центре внимания мирового гуманитарного дискурса. В XIX-XX вв. начали появляться фундаментальные исследования западных ученых. Особым аспектам развития китайской культуры были посвящены работы таких исследователей, как Д. Бодэ, Э. Вернер, М. Гране, А. Форк, Б. Карлгрен, В. Эберхард и другие.

Значительную ценность для исследователей китайской культуры имеют работы российских китаеведов, среди них, на наш взгляд, следует выделить монографии В. В. Адамчика, Ю. Г. Лемешко, Л. С. Переломова, М. Л. Титаренко, Э. М. Яншиной.

Таким образом, можно констатировать, что в мировых гуманитарных знаниях сформировалась особая наука синология. В Энциклопедическом словаре “Культурология” она трактуется как гуманитарная наука о китайской культуре, языке, литературе и истории Китая.

История синологии - это многоэтапный процесс. Начало было положено в XII-XIII вв. в связи с развитием торговли. Многие европейцы побывали в Китае в торговых целях, но в дальнейшем произошел разрыв контактов, продолжавшийся до XVI века.

К западу от Поднебесной империи о ней долгие века знали очень мало. Скупые строчки Плиния и некоторых других античных авторов о серах, которые славились искусством выделывать хорошее железо, неясные данные о живущих на краю ойкумены производителях шелка (того самого, что достигал Рима по Великому шелковому пути в процессе сложной многоступенчатой транзитной торговли и потому ценился чуть ли не на вес золота) — вот, пожалуй, и все, что было зафиксировано в немало численных европейских источниках древности о древнем Китае. Немногим больше стало известно о Китае на Западе и в последующие века, даже после того, как чужестранцам удалось узнать тайну шелковичного червя и вывезти из Китая коконы, на Западе стали известны искусство изготовления бумаги и изобретенный в Китае компас. Все дело в том, что и бумага, и компас, и многое другое - как и шелк в глубокой древности - попадали в Европу в результате упомянутой уже многоступенчатой транзитной торговли. Сами китайцы в Европу не путешествовали, да и вообще за пределы границ Поднебесной длительное время не имели обыкновения заходить - за редчайшими исключениями вроде экспедиции Чжан Цяня в древности или Ван Сюань-це и Сюань Цзана в танское время (да и те не заходили дальше восточных районов Северной Индии). Правда, каждый такого рода «выход» за пределы Поднебесной тщательно фиксировался в соответствующих исторических хрониках, так что многое о народах, окружавших Китай в древности и в средние века, мы знаем именно по китайским текстам. Но вот о китайцах вне Китая, как упоминалось, знали очень мало.

Прорыв произошел лишь в позднем средневековье и в основном благодаря арабам. Арабы-мусульмане после завоевания огромной территории Ближнего Востока, Ирана, части Средней Азии стали близкими

соседями Китая. А так как арабы в ближневосточном регионе выступили в качестве наследников высокой культуры этого региона, включая и тысячелетнюю эпоху эллинизации, романизации и христианизации его, то неудивительно, что вчерашние бедуины довольно быстро овладели высокой письменной культурой и соответствующим стандартом образованности и научных интересов. Не приходится напоминать, что арабские историки и географы едва ли не доминировали в мировой культуре в первые века существования Арабского халифата, что именно арабы донесли до первых европейских университетов знания об Аристотеле и иных античных мудрецах. Они же сыграли роль посредников в ознакомлении средневековой Европы с начальными знаниями о Поднебесной империи и царивших в ней порядках.

Знаменитый исламский географ аль-Идриси, служивший при дворе Рожера II Сицилийского (1095-1154), собрал огромное количество сведений о разных странах мира, в том числе и о Китае. Сообщения о Китае заинтересовали Рожера особенно сильно, ибо из них можно было почерпнуть немало ценных рекомендаций в сфере деятельности централизованной администрации, к созданию которой стремился и Рожер. Ряд его нововведений - система налогов, соляная монополия и некоторые другие институты - были явно навеяны сведениями о Китае. Есть также сведения, что некий китайский врач в X в. контактировал в Багдаде с арабскими коллегами и что именно с медицинского экзамена началась практика экзаменов в Европе, в том числе при дворе того же Рожера Сицилийского. Происхождение же системы государственных экзаменов ни у кого не вызывает сомнений - она возникла в Китае и в эпоху Тан была уже достаточно совершенной, технически и методически отработанной. Из сказанного вытекает, что в X-XII вв. европейцы через посредство арабов уже кое-что знали о Китае и его культуре и даже пытались использовать эти сведения на практике. Но первый непосредственный контакт европейца с

Китаем произошел лишь в XIII в., когда Поднебесную империю посетил знаменитый венецианский путешественник Марко Поло.

Свои впечатления он впоследствии описал в книге, переведенной на многие языки, включая и русский. Наполненная наряду с достоверными сообщениями о Китае множеством небылиц и фантастических рассказов, книга эта была в свое время встречена в Европе с недоверием. Слабость ее, впрочем, была и в том, что она представляла собой скорее впечатления путешественника, подчас довольно поверхностные, тогда как изложения принципов жизни Китая в ней не было. Это была одна из причин, почему многие точные наблюдения Марко Поло не были восприняты всерьез и не сыграли заметной роли в ознакомлении с Китаем его современников в Европе. Впрочем, европейцы в то время едва ли в массе своей были подготовлены к восприятию подобного рода информации. Ситуация решительно изменилась лишь несколькими веками спустя, когда Европа пережила решающие в ее судьбах периоды Возрождения, Реформации, Великих географических открытий.

Возобновление отношений началось в эпоху Великих географических открытий, когда был обнаружен морской путь в Индию в обход Африканского континента. Португальские и испанские мореплаватели, прибыв в Индию, узнали о ее торговых связях с неким государством "Чин".

В то время основным направлением со стороны европейцев была миссионерская деятельность в Поднебесной. Представители монашеских орденов, в частности, августинцы и иезуиты, отправлялись в Китай с целью сбора информации и для проповеднической деятельности.

Вскоре начали появляться первые публикации, посвященные этой стране, к примеру «Трактат о Китае» Гаспара да Круза.

В то время никто из европейцев не знал китайского языка, поэтому их исследования этой страны нельзя в полной мере назвать синологическими. Однако именно они заложили фундамент для становления науки.

Постепенно интерес к Китаю вышел за пределы Испании и Португалии.

Известно, что первыми западными жителями, изучавшими в значительном количестве китайский язык были португальские, испанские и итальянские миссионеры 16 века – доминиканский орден или Общество Иисуса, стремящиеся распространить римский католицизм среди китайцев. Ранняя испанская доминиканская миссия в Маниле имела типографию и между 1593 и 1607 гг. выпустила 4 работы по католической доктрине для китайской иммигрантской общине, три в классическом китайском и одну на нескольких языках.

Достижения доминиканцев среди китайской диаспоры не столь огромны как деятельность ордена иезуитов в материковом Китае во главе с Маттео Риччи. В отличие от своих предшественников, он посвятил всю жизнь изучению китайской культуры и языка и не считал китайцев «идолопоклонниками-язычниками», но считал их «единомышленниками, доступными на уровне обучения». Он детально изучал китайских конфуцианских классиков и труды китайских ученых, чтобы представить католическую доктрину и европейское образование на родном языке и с учетом специфики их культуры.

В эпоху Просвещения китаеведы начали активно знакомить Запад с китайской философией, этикой, правовой системой и эстетикой. Хотя их работы часто не носили научного характера и были неполны, но весьма сильно вдохновляли развитие китайского стиля и серию дебатов и научных изысканий, сравнивающих китайскую и западную культуры.

В то время китаеведы часто описывали Китай как просвещенное царство, сравнивая его с Европой, только что вышедшей из темных веков. Среди европейских литераторов, интересовавшихся Китаем, был Вольтер, Лейбниц, Джамбаттиста Вико.

Во Франции изучение Китая и китайского языка началось под покровительством Людовика 14. В 1711 году он назначил молодого китайца

Аркадио Хуанга составить каталог королевской коллекции китайских текстов. Хуангу помогал Этьен Фурмонт, который опубликовал грамматику китайского языка в 1742 году.

В 1732 году священник-миссионер Священной Конгрегации из Неаполитанского Королевства Маттео Рипа создал в Неаполе первую синологическую школу на европейском континенте: «Китайский институт», первое ядро того, что впоследствии стало Восточный университет Неаполя. Рипа работал при императорском дворе императора Канси и вернулся в Неаполь из Китая с четырьмя молодыми китайскими христианами, которые были учителями китайского языка и сформировал Институт, санкционированный Папой Климентом 12, чтобы обучать китайскому языку миссионеров и тем самым способствовать распространению христианства в Китае.

С конца XVII века центром синологических исследований стала Франция. Это связано с тем, что французские монахи-иезуиты стали занимать в Китае должности, приближенные к императору. В частности, под руководством иезуита Жан-Батиста Дюальда была издана серия исследований, посвященных Китаю.

Можно сказать, что с того момента синология - это официальная наука, а не просто набор разрозненных сведений о стране. Исследования затрагивали многие сферы: китайскую философию, искусство, изготовление фарфора, музыку, природу страны и т. д. В это же время появились первые переводы произведений китайской литературы на латынь.

Среди ученых XIX века, занимавшихся синологией, важно упомянуть Джеймса Легга преподавателя Оксфордского университета, основавшего в нем кафедру китайского языка. Другой ученый, Роберт Моррисон, известен тем, что составил первый фундаментальный китайско-английский словарь.

В России тоже проявляли интерес к Китаю. Среди российских ученых-синологов того времени следует отметить К. А. Скачкова, А. О. Ивановского и С. М. Георгиевского.

В XX веке, помимо изучения китайских традиций, языка и литературы, обнаружился повышенный интерес к историческому прошлому страны, в частности, начали проводиться археологические исследования на ее территории.

После Великой Октябрьской революции в СССР произошел новый виток интереса к Китаю, сложилась советская синология. Один из главных трудов синологии прошлого столетия - это перевод "Книги перемен", выполненный Юлианом Щуцким.

Во второй половине двадцатого века выделились отдельные направления в синологии - это даология, буддология и др. А в СССР в это время появились первые русско-китайские словари. В конце столетия в университетах начали открываться специальности, посвященные китаеведению.

В начале XXI века в России вышло энциклопедическое издание «Духовная культура Китая».

Итак, синология - это комплекс научных дисциплин, посвященных изучению Китая, его языка, культуры, истории. Она прошла долгий путь с момента возникновения, и сейчас множество ученых во всем мире ведут исследования в различных его направлениях.

ЛЕКЦИЯ 2. КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ КАК ПРЕДМЕТ СИНОЛОГИИ

Одной из основных особенностей китайской культуры, которая формирует его духовное и эстетическое лицо, является теснейшая связь с религией. Мифологические представления китайцев определяет религиозный синкретизм. В их верованиях до сих пор сочетаются элементы древних культов плодородия, конфуцианства, даосизма и буддизма. Пантеон традиционных богов и духов невероятно велик и за каждым из них строго закреплена его функция. Язык древнекитайского искусства исключительно символичен, так как он передает основные космогонические идеи китайцев. Любой художественный объект воспринимается как свод сакральных знаний о мире, о космосе и его структуре. Например, круг в форме предмета или его орнаменте - это воплощение Великого Неба, а квадрат - символ Земли, соединение которых рождает Космос. Деление мира на два начала (ян - мужское и инь - женское), которые создают предметный мир, тоже возникло в глубокой древности и воплощалось в орнаменте и форме бытовых и художественных изделий. Зооморфные мотивы в искусстве связаны с почитанием священных животных и тотемистическими представлениями. Зверей считали духами предков, а позже образы животных стали связывать с древней натурфилософской концепцией пяти первоэлементов или стихий, из которых рождается весь мир.

Пантеистические взгляды китайцев, связанные с древнейшим почитанием природных объектов - гор, рек, озер, деревьев - легли в основу традиционного отношения к природе. Китайцы воспринимали её как великую, божественную и вечно обновляющуюся, а человеческое бытие в сравнении с бытием природы было незаметным. Человек был песчинкой этого мира, его малой, но необходимой частью, поэтому он всегда жил в согласии и гармонии с природой, почитая ее как духовный, этический и эстетический идеал. В древнекитайском искусстве это выражалось в традиционной планировке дворцов и погребений, в использовании

природных материалов, в зооморфных, растительных и абстрактных орнаментах, которые отражали представления о Дао - Великом Пути природы и мира. В средневековом же искусстве идеи пантеизма воплотились в традиционном жанре пейзажа, поэтому неслучайно в это время именно живопись становится ведущим видом искусства.

В китайской мифологии много существ, благодаря которым культура страны отличается особым колоритом и вызывает интерес. На формирование мифологии повлияли исторические персонажи, тотемизм, философские и религиозные учения.

Наиболее почитаемое существо это китайский дракон. Он олицетворяет собой силу стихий, власть императора и небо. Его изображения наносят на дома, ткани и другие предметы. Он символизирует добро, богатство и благополучие. Китайский язык содержит в себе множество пословиц и поговорок с участием этих зверей.

Китайская мифология разительно отличается от мифов других стран, но и здесь есть демоны. Главнейший демон китайской мифологии это Чжун Куй. Его образ использовался для магических ритуалов. Повелитель подземного царства – Яньван, который судил мертвецов и определял наказание. Владыкой всех бесов и монстров был Чжан Тяньши. В китайской мифологии царем змей был чудовищный Ман.

К началу нашей эры даосизм превратился в религию, вобрав в себя образы китайской мифологии. Большую популярность обрели предания о бессмертных. Бессмертие они получили, постигнув дао. Пантеон существ даосизма включает в себя огромное количество бессмертных, духов, героев и бесов.

Позже в первые века нашей эры в Китай проник буддизм. Примерно в 8-9 веке буддисты использовали истории из китайской мифологии древности. Буддийские герои стали переплетаться с китайскими персонажами. Появились предания о бодхисатве в роли женщины. Буддизм повлиял на представления китайцев о преисподней и царстве мертвых.

Вместе с буддизмом и даосизмом были популярны культы последователей конфуцианства, народных культов.

Позже мифологические системы сближаются и становятся единой мифологией. Данный процесс быстрее всего шел в селах, где храмы и статуи разных течений (Будды, ЛаоЦзы, Конфуция) стояли близко. Народное сознание поставило во главе пантеона богов Юйди – нефритового правителя. Остальные божества китайской мифологии – боги и духи – имели устойчивое положение и не исчезли.

Герои китайской мифологии позднего времени представлены как реальные личности, которым посвящаются праздники и дни в лунном календаре.

Древнекитайская мифология реконструируется по фрагментам древних исторических и философских сочинений («Шу цзин», древнейшие части XIV–XI вв. до н. э.; «И цзин», древнейшие части VIII–VII вв. до н. э.; «Чжуан-цзы», IV–III вв. до н. э.; «Ле-цзы», IV в. до н. э. IV в. н. э. «Хуайнань-цзы», II в. до н. э.; «Критические суждения» Ван Чуна, I в. н. э.). Наибольшее количество сведений по мифологии содержится в древнем трактате «Шань хай цзин» («Книга гор и морей», IV – II вв. до н. э.), а также в поэзии Цюй Юаня (IV в. до н. э.).

Большинство мифологических сюжетов реконструируют по памятникам IV в. до н. э. и более позднего времени. Однако это был уже период, когда в миф верили, видимо, в основном в его эвгемеризованной форме. Об этом свидетельствуют «Вопросы к Небу» («Тянь вэнь») Цюй Юаня, полные недоумения по поводу сюжетов древних мифов и противоречий в них. Впоследствии, в I в. н. э. философ-полемист Ван Чун дал развёрнутую критику мифопоэтического мышления с позиций наивного рационализма.

Китайская мифология оказывала заметное влияние на художественную культуру страны. Однако в силу ранней эвгемеризации, развития конфуцианского мировоззрения и отсутствия эпоса и драмы в Древнем Китае

мифология мало отражена в словесном искусстве. Кроме творчества поэта Цюй Юаня, образы древнекитайской мифологии разрабатывались лишь в отдельных небольших поэмах, например в «Фее реки Ло» Цао Чжи (III в.). В повествовательной прозе, рождающейся в Начале средневековья (с III в. н. э.) и развивающейся в виде коротких повестей и рассказов (о встрече человека с духами), представлены образы в основном даосской и низшей народной мифологии. В сказе - *бяньвэнь*, развившемся в VIII-X вв., разрабатываются в основном сюжеты буддийского содержания, излагаются для народа жития будд и бодхисатв. Зародившаяся в XII - XIII вв. музыкальная драма даёт интересные, хотя и немногочисленные образцы произведений на мифологические сюжеты как даосского, так и буддийского толка. Выросшие на основе устного сказа книжные эпопеи в отдельных случаях также использовали мифологические темы и образы («Путешествие на Запад» У Чэн-эня, «Возвышение в ранг духов» Сюй Чжун-линя, «Сказание о начале мира» Чжоу Ю - все XVI в.). Во всех этих поздних эпопеях ощущается заметное влияние народной синкретической мифологии. Даже в «Сказании о начале мира» наряду с образами древней мифологии, трансформированными авторским сознанием и изображёнными с помощью художественных средств, заимствованных из исторических эпопей и романов, упоминаются и некоторые буддийские божества, действующие наравне с китайскими демиургами Пань-гу и Нюй-ва. В развивающихся (параллельно с повествовательной прозой крупных форм) литературной новелле (с VII в.) и народной повести (с XII в.) эпизодически используются лишь отдельные образы низшей мифологии. Пример такого рода - новеллы Пу Сун-лина (XVII в.).

В новейшей китайской литературе примером удачного использования мифологических сюжетов могут служить «Старые истории в новом изложении» Лу Синя, в которых он отчасти с сатирическими и полемическими целями переизложил историю стрелка и его жены Чан-э, повествование об усмирителе потопа Юе и др.

Также можно рассмотреть ряд других исследований в контексте китайской мифологии. Исследование мифологии учеными Китая с позиций тотемической концепции Э.Дюркгейма и “номиналистической” теории Г. Спенсера. Исследования тотемических персонажей, культов природы, образов женских божеств Венъ Идо, Ли Цзеганом, Мао Дунем, Ян Лихуи и др. Изложение мифов на основе строгого научного изучения материала Юань Кэ. Новая интерпретация ранее известных текстов Ян Куанем. Пяти томный труд Сяо Биня «Удивительные следы мифов о солярных героях» как явление китайской мифологии. Сравнительно-типологический анализ китайской и белорусской мифологии Лю Янь.

Изучение мифов является междисциплинарным направлением, включающим исследования различных гуманитарных наук, таких как история, культурология, этнография и другие. Каждая из этих областей характеризует мифы как культурное наследие того или иного региона с помощью различных методов, достигая при этом узкоспециализированных знаний по заданной теме.

Изучение сюжетов традиционной китайской мифологии позволяет понять характерные особенности представлений людей древности об устройстве мира, определить структуру системы ценностей, которая сложилась в современном обществе, а также проследить эволюцию образов героев мифов в культуре. Мифология всегда находила отражение в литературе, живописи, архитектуре, в настоящее время сюжеты древности продолжают бытовать в различных формах – герои мифов становятся главными действующими лицами полнометражных фильмов, телесериалов, компьютерных игр, что доказывает устойчивость и популярность образов мифологии в современной культуре. По причине того, что многие мифы в Китае воспринимаются как источник исторических знаний, их исследование традиционно проводилось исходя из того, что миф – это отражение исторической действительности. Также большое количество исследований посвящено раскрытию смысла различных концептов, сложившихся в

культуре под влиянием мифологических представлений. Об этом писали такие ученые, как С.В. Зинин (о древней мантике в новой историографической перспективе), М.Ю. Ульянов (о мифической части генеалогии правителей царства Чу), А.Э. Терехов (об аспектах представлений о совершенномудрых-шэн в Китае эпохи Хань), Д.Е. Куликов (о связи орнитологических мотивов и древнекитайской мифологии в культуре Шань-Инь). В отличие от исследований, проводимых ранее относительно китайской мифологии, современные исследования направлены на анализ образов китайской мифологии с точки зрения их влияния на мышление, самосознание, формирование представлений об идентичности китайского народа (И. Андерсон, Д. Бодде, Е. Т. С. Вернер, М. Гране, Б. Карлгрен, А. Масперо, В. Эберхард, А. К. Финстербуш, М. Эллиаде и др.).

Следует отметить, что проблема изучения китайской мифологии в целом всегда являлась одним из центральных направлений деятельности ученых, в чью компетенцию входило изучение культуры Китая, поэтому на данный момент существует большое количество материалов, касающихся указанного вопроса. Сведениям об основных персонажах, сюжетах, классификации китайских мифов посвящены работы отечественных авторов, таких как В. В. Адамчика, А. Б. Вац, С. М. Георгиевского, Д. В. Деопика, И. М. Дьяконова, В. В. Евсюков, А. М. Золотарева, А. М. Карапетянца, И. С. Лисевич, А. М. Лобок, А. Е. Лукьянова, Н. М. Мацокина, Л. С. Переломова, А. А. Серкина, Г. Г. Стратанович, Б. Л. Рифтина, Э. М. Яншиной и др.

Особенностям изучения китайских мифов посвящены работы японских ученых: Ито Тинаси, Ито Тинаси, С. Иэнга, Кусухаре Юсукэ, Такасаи Кубо, Ясуморо Кодзика и др.

Отдельные аспекты китайской мифологии разрабатываются в исследованиях белорусских ученых: И. А. Гошкевич, И. М. Ковалевский, Л. К. Кухто, А. И. Смолик, В. В. Старостенко, Т. И. Шамякиной и др.

ЛЕКЦИЯ 3. ИНТЕРПРИТАЦИЯ РЕЛИГИИ КИТАЯ

Как известно, могущественные боги возникают в период становления государства, когда возникает сильная центральная власть. Это было «закономерное отражение» в мире богов того, что происходило на земле. Правители таких государств нередко связывали свое происхождение с богом. По словам Энгельса «единый бог никогда не мог бы появиться без единого царя».

Первым из китайских религиозных течений был культ Шан Ди, который сформировался в эпоху Шан-Инь (XVIII/XVII – XII вв. до н.э.). Основателем новой династии был ван Чэн Тан (правивший, примерно, с 1700 г. до н.э.). Шан Ди был главой в мире сверхъестественного, от его решения и его милости зависело поведение всех остальных духов. Культ Шан Ди вырос из первобытных верований народов, населяющих территорию Китая. Шан Ди повиновались духи ветра и дождя, облаков и грома. По представлениям иньцев, именно от его воли зависела их судьба (война, болезни, рождение наследника вана, дождь, буря и т.д.). Словом, Шан Ди считался главным верховным божеством, которому на небе так же беспрекословно должны были подчиняться все остальные духи, как на земле все люди подчинялись воле вана. В общем можно сказать, что Шан Ди подчинялись духи стихий, духи предков и абстрактные божества (например, бог войны). Термин «ди», соответствует понятию «божественный», «священный», он использовался в Инь для обозначения всех покойных правителей, а термин Шан Ди, «высший ди», для обозначения «высшего божества», одновременно воспринимавшегося в качестве верховного главы племени, его первопредка.

Однако близость Шан Ди и иньского вана не ограничивалась лишь аналогией их функций и полномочий. В представлении иньцев, Шан Ди был не только верховным божеством, но и ближайшим родственником самих иньцев, их легендарным родоначальником и покровителем, предком – тотемом. Но в отличие от многих других народов, иньцы фактически слили

воедино культ высшего божества и культ своих умерших предков. Пышная обрядовость, обилие жертв и торжественность ритуалов – все это было сконцентрировано на культе предков, как далеких, так и ближайших. С одной стороны, это привело к тому, что со временем культ предков стал основой основ всей религиозно-этической системы Китая. А с другой, в результате культ Шан Ди оказался только первым среди равных и при всем его огромном значении в Инь и в начале Чжоу так и не превратился в культ великого бога, который имел бы много храмов и жрецов, которому бы все молились и поклонялись.

В будущем техники гадания легли в основу книги гаданий «Ицзин» - великой китайской книги «Перемен».

О Шан Ди много упоминалось в песнях «Шицзин» и «Шуцзин». Там говорилось, что Шан Ди все видит и слышит, все чувствует и понимает, все знает и контролирует, может одобрять и гневаться, он непостоянен и переменчив.

В XI веке до н. э. (с 1027 года) в эпоху династии Чжоу, распространявшей свою власть на большую часть территории бассейна реки Хуанхэ, культ Шан Ди постепенно оттесняется на задний план, а на его место выдвигается культ Неба.

В представлениях чжоусцев, Шан Ди и Небо на протяжении длительного времени сосуществовали и взаимозаменяли друг друга. Такой параллелизм позиций Шан Ди и Неба у чжоусцев долгое время вызывал споры исследователей. Так, например, высказывалось мнение, что Небо – это и есть Шан Ди, или что Небо – место, где живет Шан Ди. Или так американский синолог Г. Крил предложил, что некогда чжоусцы-земледельцы поклонялись Небу как высшему божеству. Но после завоевания ими Инь, они поняли, что иньский верховный бог Шан Ди в общем соответствует их Небу, поэтому они и идентифицировали Небо и Шан Ди. Хотя, эта гипотеза не может объяснить, почему в самом начале чжоусцы полностью восприняли культ Шан Ди как свой, поскольку культ Неба

выдвинулся на первый план намного позже, спустя несколько веков.

Небо было верховной божественной силой. Подобно Шан Ди, Небо обладало свойством карать непокорных и нерадивых, награждать послушных и достойных, покровительствовать мудрым и честным. Небо в представлении чжоусцев ассоциировалось с некой верховной силой, стоявшей над земным миром (Поднебесная, тьянь-ся), и то, что теперь правитель становился «сыном Неба» (тянь-цзы). Культ Неба с этого времени стал главной прерогативой и обязанностью китайского императора.

Возникла система представлений, которую позже некоторые исследователи назовут «принципом трех гармоний»:

1. Гармония Человека с Природой, с окружающей Вселенной.
2. Гармония Человека с обществом и государством.
3. Гармония человека с семьей и с самим собой.

Считалось, что следование принципу «трех гармоний» является залогом правильной и счастливой жизни.

Культ Шан Ди и культ Неба с их высшими, нравственно-этическими установками и обрядностью составляют основание китайской культуры. На их основе, но расставляя разные акценты, формируются другие религии Китая.

Буддизм. Эта религия пришла из Индии гораздо раньше остальных внешних духовных течений. Это учение более адаптировано к жизни китайцев и поэтому больше распространено по территории. Афганские и индийские мастера создавали настоящие храмы в горах и скалах Китая, позже образы Будды высекали и местные умельцы. В Поднебесной буддизм приобрел собственные, характерные для Китая черты, не свойственные индийскому направлению. Большинство буддистов в Китае – ханьцы — наиболее многочисленная народность в Поднебесной.

Главное в буддизме – достижение состояния нирваны в результате строгого исполнения всех правил и духовных опытов. Покорность и жертвование собой ради возмещения грехов – цель последователей этой

религии. Основное внимание направляется на очищение души человека от злобы и трусости. Карма заставляет людей искать правильное решение в течение всей жизни.

Христианство. В Китае первые христиане появились еще в VII веке нашей эры - это были несторианские миссионеры. В Поднебесной больше всего распространены: православная церковь, протестантизм, католицизм. Всего в Китае насчитывается около 80 миллионов христиан.

Православные в Китае обосновались достаточно давно - первые представители этого направления христианства появились в Китае еще со времен татаро-монгольского ига. Тогда русские военные начальники несли службу в Хан балыке - этот татаро-монгольский город был на месте современного Пекина. Уже более 400 лет православные христиане постоянно живут в Китае - больше всего их в северных провинциях, граничащих с Россией.

В конце XVII века русским пленным казакам удалось создать в Пекине свою православную общину. Еще через сто лет общиной была организована Русская духовная миссия - ее целью стала поддержка православных во всем Китае. Сегодня православную общину Китая нельзя назвать многочисленной, она объединяет около 15 тысяч приверженцев.

Численность католиков в КНР намного выше, чем православных. Первые представители этого направления христианства появились в Китае еще в VII веке, но самый большой приток католиков в страну наблюдался после опиумных войн, случившихся в XIX веке. Сейчас в Китае более 5 миллионов католиков, открыты более сотни приходов, есть 5 тысяч действующих католических церквей.

Ислам - самая молодая религия Поднебесной. Стала распространяться по стране после становления буддизма, христианства.

Важную роль в формировании мусульманского общества сыграли монголы, которые в 13-м веке вторглись в страну. Разгромив мусульманские города Бухара, Самарканда, войска Чингисхана отправились в Поднебесную.

Они привезли с собой мусульман из разгромленных городов, чтобы те служили монгольской аристократии. Рабы совершили подвиг - сохранили мусульманскую веру, распространив среди китайцев. Немало монгольских правителей заинтересовались исламом и даже поменяли веру. Вначале религия распространилась по центральной части страны.

В начале 1900-х годов в Китае насчитывалось около 7 млн. мусульман, что составляло 2% от всего населения Поднебесной. С распространением антирелигиозной идеологии, религии подверглись гонению. Ислам не был исключением. Начал возрождаться в современной КНР.

В период культурной революции был установлен запрет на совершение хаджа мусульманами-китайцами. Только в 1979 году запрет сняли. После этого около 50 тысяч китайцев-мусульман совершили религиозное паломничество в священный город Мекка.

Сегодня в Поднебесной ислам передается как культурная традиция — из поколения в поколение. В стране насчитывается 30 млн мусульман-китайцев.

Практически во всех крупных городах Поднебесной есть мечети. Только в Синьцзяне их более 24 тысяч. Многие постройки внесены в списки исторического наследия. Среди мечетей есть как традиционные, так и современные.

Период с середины 1980 гг. до начала 1990 гг. был ознаменован переводами на китайский язык классических зарубежных научных трудов по религии. До этого времени китайские специалисты в области религиоведения были знакомы с ограниченным кругом западных работ. До 1980 гг. в Китае были переведены работы Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда», «Метод социологии»; работа Б. Малиновского «Магия. Наука. Религия». Работа по переводу важнейших зарубежных трудов по религии началась в Китае в 1980 гг. К их числу относятся работы М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», «Конфуцианство и даосизм», «Избранные произведения»; книга П. Бергера «Священная завеса»;

«Социология религии» Т. О' ди; «Религия в обществе: социология религии» Р. Джонстона и другие. Были переведены некоторые работы советских исследователей, например, «Социология религии» И.Н. Яблокова, работы Д.М. Угриновича. Кроме того, переводились также и периодические издания по социологии религии. Работа над переводами позволила китайским специалистам избавиться от односторонности марксистского подхода, преодолеть терминологические барьеры, освоить концепции и понятийный аппарат зарубежных исследований. В этот период учёные Китая начинают публиковать ряд собственных исследований по изучению западной социологии религии, в которых проводят сравнение западной и китайской социологии религии. Например, вышедший в 1982 году труд Чжэн Ифу «О социологии религии Дюркгейма и Вебера», в котором проводится сравнительный анализ методологии социологии религии на основании работ крупнейших западных специалистов. Су Госюнь занимается разработкой исследования, основываясь на теории Макса Вебера. Гао Шинин перевела на китайский язык ряд трудов Питера Бергера и впоследствии издала несколько статей, посвящённых теории религии. Большое влияние на формирование религиоведения в КНР оказало знакомство китайских исследователей с работами одного из американских социологов двадцатого века Роберта Мертона. Китайские религиоведы приходят к выводу о том, что благодаря знакомству с теоретической базой этого учёного религия в Китае стала рассматриваться не только как форма сознания, она приобрела качество структурного элемента социокультурной системы. Ознакомившись с целым рядом зарубежных исследований, китайские религиоведы увидели как теоретическая и практическая части могут взаимодействовать друг с другом, и что такое взаимодействие даёт хорошие научные результаты: объективное отражение религиозных феноменов, максимально рациональное толкование религиозных явлений. Китайские социологи в большей степени начали осознавать необходимость подтверждения своих теоретических исследований практическими результатами. К концу 80-х годов начинает

меняться отношение к марксистской концепции религии. Благодаря исследованиям в области религиоведения, в характеристике религии как «опиума народа» исследователи начинают усматривать её социальную функцию, без окрашивания этого выражения в негативные оттенки. Достаточно красноречиво о таком мировоззренческом сдвиге говорит признание одного из крупнейших специалистов Китая в области религиоведения Люй Дацзи в 1987 г., который высказался по поводу того, что прежде находился в заблуждении понимая этого понятия.

Следующий этап, по мнению китайских специалистов, начался в 1992 г. Это время, когда китайские учёные начали заниматься изучением религиозной ситуации в своей стране, активно обсуждалась тема существования религии при социалистическом строе. Много научных публикаций было посвящено двум аспектам сосуществования социализма и религии. В одних исследованиях доказывалось, что религия способна приспосабливаться к меняющимся социальным условиям, участвует в общественных трансформациях и обладает собственными механизмами возрождения. Другие исследователи настаивали, что возрождение религиозной жизни в Китае стало возможно только благодаря новому политическому курсу страны и конституционному закреплению принципа свободы совести. Кроме того, появились исследователи, которые начали обращать внимание на развитие религий мира и изучать два взаимосвязанных явления: проблему секуляризации и проблему вновь возникших религий. Китайские исследователи обращаются к проблемам современной религиозной обстановки страны, активно прибегая к социологическим методам исследования. Китайские учёные продолжают следить за результатами современных зарубежных исследований. Они часто опираются на опыт зарубежных авторов, например, П. Бурдьё, Э. Гидденса, Х. Уайта, Э.Г. Уалдера. Переводят на китайский язык научные работы Р. Старка, Р. Чиприани, Э. Баркер и других. Признаётся значимость

международных научных обменов. Осуществляется сотрудничество с коллегами США, Великобритании, Италии и других стран.

Современные китайские исследователи религии могут придерживаться различных мировоззренческих и методологических позиций. Одни остаются верны марксистской атеистической парадигме; другие занимают прохристианскую позицию и оценивают религию, исходя из западных представлений о божестве и потустороннем мире; третьи, опираясь на западные и марксистские религиоведческие теории, занимаются изучением национальных религий и обращаются к проблеме диалога религий. Процесс переоценки традиционных марксистских трактовок в Китае получил название «китаизация марксистских религиоведческих концепций». Под влиянием западных исследований китайские религиоведы пришли к пониманию религии как значимой части социокультурной системы. Но при этом западные религиоведческие подходы критикуются за европоцентризм и христианоцентризм. Вместе с тем религиоведческие исследования в Китае продолжают испытывать влияние коммунистической партии. Тематика современных китайских научных исследований обусловлена спецификой религиозной жизни и политическими установками КНР. Начиная с 1990 гг. китайские исследователи сосредоточены на изучении пяти официально признанных религий КНР: буддизма, даосизма, христианства, ислама, католицизма.

В начале XXI в. специалисты обратили внимание на проблемы сохранения китайской народной культуры в эпоху глобализации, стали изучать культуру и религии национальных меньшинств КНР, нетрадиционные религиозные движения. Многие публикации посвящены кросс-культурным исследованиям, в частности проблемам сосуществования христианства и буддизма в Китае, христианства и китайских национальных меньшинств. Придаётся большое значение полевым и прикладным исследованиям. Помимо академических исследований проводится конфессиональное изучение религии, например, по инициативе китайских

католических учёных. В этот же период Академия общественных наук КНР и Сычуанский университет начали готовить аспирантов, специализирующихся в области социологии религии. Национальный фонд социальных наук регулярно стал объявлять конкурсы на проведение академических исследований в области религиоведения.

Во второй половине 1990 гг. начала появляться справочная литература. Шанхайское книжное издательство выпустило «Словарь религиозных терминов» и расширенный вариант «Большой словарь религиозных терминов».

В 2000 г. – была опубликована коллективная монография «Социология религии». Это первое систематическое издание, выполненное самостоятельно китайскими учёными. Монография охватывает широкий спектр тем. Представлены теоретические и методологические аспекты социологии религии. Описаны функции религий, их организационная структура, психологические особенности верующих, характеристики религиозных лидеров. Дается обзор религиозной ситуации в Китае в хронологическом порядке. Этот труд во многом определил характер эмпирических исследований дисциплины. Проект подготовлен специалистами Института религий мира Академии общественных наук КНР при поддержке Государственного фонда общественных наук КНР.

В числе современных китайских исследователей религии: Гао Шинин, Ли Сянпин, Вэй Дэдун, Фань Личжу, Тао Фейя, Хань Цзюньсюэ, Ло Вэйхун, Чэнь Цуньфу, Лян Липин, Кан Чжицзе, Сунь Шан ян, Тан Сяофэн и другие.

Старшее поколение современных китайских исследователей религии состоит преимущественно из историков, философов, филологов, искусствоведов, переориентировавшихся на религиоведческие исследования. Молодые китайские исследователи получают систематическое образование в области религиоведения.

В университетах Пекина, Шанхая, Сычуани, Гонконга открыты спецкурсы, действуют аспирантуры. В этих же городах расположены

ведущие научные центры по социологии религии. Ведущее место в научно-исследовательской инфраструктуре религиоведения и социологии религии в частности занимает Институт религий мира при Китайской академии общественных наук, созданный в 1964 году. Данный научный центр занимается всесторонним исследованием доктрин, истории и современной ситуации основных религий в мире, для того чтобы укрепить общее понимание религиозных идей и культурных традиций с целью национальной модернизации и создания духовной цивилизации китайского общества. Институт издаёт несколько религиоведческих изданий: журнал «Мир религиозной культуры», «Исследование мировых религий», ежегодник «Религиоведение в Китае и китайские исследования религии». На базе института ведут свою работу Гао Шинин, Ло Вэйхун и др.

ЛЕКЦИЯ 4. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ – ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ СИНОЛОГИИ

В начальный период своего существования (6–3 вв. до н.э.) китайская философия в условиях категориальной недифференцированности философского, научного и религиозного знания являла собой картину предельного разнообразия взглядов и направлений, представлявшихся как «соперничество ста школ» (бай цзя чжэн мин). Первые попытки классификации этого многообразия предпринимались представителями главных философских течений – конфуцианства и даосизма – в стремлении подвергнуть критике всех своих оппонентов. Этому специально посвящена гл. 6 конфуцианского трактата Сюнь-цзы (4–3 вв. до н.э.) (Против двенадцати мыслителей, Фэй ши-эр цзы). В ней, помимо пропагандируемого учения Конфуция и его ученика Цзы-Гуна (5 в. до н.э.), автор выделил «шесть учений» (лю шо), попарно представленных двенадцатью мыслителями и подвергнутых резкой критике: 1) даосов Го Сяо (6 в. до н.э.) и Вэй Моу (4–3 вв. до н.э.); 2) Чэнь Чжуна (5–4 вв. до н.э.) и Ши Цю (6–5 вв. до н.э.), которые могут оценены как неортодоксальные конфуцианцы; 3) создателя моизма Мо Ди (Мо-цзы, 5 в. до н.э.) и родоначальника близкой к даосизму самостоятельной школы Сун Цзяня (4 в. до н.э.); 4) даосо-легистов Шэнь Дао (4 в. до н.э.) и Тянь Пяня (5–4 вв. до н.э.); 5) основоположников «школы имен» (мин цзя) Хой Ши (4 в. до н.э.) и Дэн Си (6 в. до н.э.); 6) канонизированных впоследствии конфуцианцев Цзы-Сы (5 в. до н.э.) и Мэн Кэ (Мэн-цзы, 4–3 вв. до н.э.). В 21-й главе своего трактата Сюнь-цзы также, отдавая учению Конфуция роль «единственной школы, достигшей всеобщего дао и овладевшей его применением» (юн, см. ТИ – ЮН), выделил шесть противостоящих ему «беспорядочных школ» (луань цзя): 1) Мо Ди; 2) Сун Цзяня; 3) Шэнь Дао; 4) легиста Шэнь Бухая; 5) Хой Ши; 6) второго после Лао-цзы патриарха даосизма Чжуан Чжоу (Чжуан-цзы, 4–3 вв. до н.э.).

Примерно синхронная и типологически сходная классификация содержится в заключительной 33-й главе Чжуан-цзы (4–3 вв. до н.э.)

«Поднебесная» («Тянь-ся»), где также выделено стержневое, наследующее древнюю мудрость учение конфуцианцев, которому противопоставлены «сто школ» (бай цзя), разделенные на шесть направлений: 1) Мо Ди и его ученика Цинь Гули (Хуали); 2) Сун Цзяня и его единомышленника-современника Инь Вэня; 3) Шэнь Дао и его сторонников Пэн Мэна и Тянь Пяня; 4) даосов Гуань Иня и Лао Даня (Лао-цзы); 5) Чжуан Чжоу, 6) диалектиков (бянь-чжэ) Хой Ши, Хуань Туаня и Гунсунь Луна.

Эти структурно аналогичные шестеричные построения, исходящие из идеи единства истины (дао) и многообразия ее проявлений, стали основой для первой классификации основных философских учений как таковых, а не просто их представителей, которую осуществил Сыма Тань (2 в. до н.э. В этом произведении перечислены и охарактеризованы: 1) «школа темного и светлого [мирообразующих начал]» (инь ян цзя), в западной литературе называемая также «натурфилософской»; 2) «школа ученых» (жу цзя), т.е. конфуцианство; 3) «школа Мо [Ди]» (мо цзя), т.е. моизм; 4) «школа имен» (мин цзя), в западной литературе называемая также «номиналистской» и «диалектико-софистической»; 5) «школа законов» (фа цзя), т.е. легизм, и 6) «школа Пути и благодати» (дао дэ цзя), т.е. даосизм. Наивысшей оценки удостоена последняя школа, которая, подобно конфуцианству в классификациях из Сюнь-цзы и Чжуан-цзы, представлена здесь как синтез главных достоинств всех остальных школ. Такую возможность создает сам принцип ее наименования – по принадлежности к кругу лиц определенной квалификации («ученым-интеллектуалам»), а не по приверженности конкретному авторитету, как в «школе Мо [Ди]», или конкретным идеям, как это отражено в названиях всех остальных школ.

Эта теория предполагала, что в начальный период формирования традиционной китайской культуры, т.е. в первые века I тысячелетия до н.э., носителями социально значимого знания были официальные лица, иначе говоря, «ученые» являлись «чиновниками», а «чиновники» – «учеными». Вследствие упадка «пути истинного государя» (ван дао), т.е. ослабления

власти правящего дома Чжоу, произошло разрушение централизованной административной структуры, и ее представители, лишившись официального статуса, оказались вынужденными вести частный образ жизни и обеспечивать собственное существование реализацией своих знаний и умений уже в качестве учителей, наставников, проповедников. В наступившую эпоху государственной раздробленности боровшиеся за влияние на удельных властителей представители различных сфер некогда единой администрации образовали разные философские школы, само общее обозначение которых «цзя» свидетельствует об их частном характере, ибо данный иероглиф имеет буквальное значение «семья».

Конфуцианство создали выходцы из ведомства просвещения, «помогавшие правителям следовать силам инь-ян и разъяснявшие, как осуществлять воспитующее влияние», опираясь на «письменную культуру» (вэнь) канонических текстов (Лю и, У цзин) и ставя во главу угла гуманность (жэнь) и должную справедливость (и). 2) Даосизм (дао цзя) создали выходцы из ведомства хронографии, которые «составляли летописи о пути (дао) успехов и поражений, существования и гибели, горя и счастья, древности и современности», благодаря чему постигли «царское искусство» самосохранения посредством «чистоты и пустоты», «униженности и ослабленности». 3) «Школу темного и светлого [мирообразующих начал]» создали выходцы из ведомства астрономии, следившие за небесными знаменами, солнцем, луной, звездами, космическими ориентирами и чередованием времен. 4) Легизм создали выходцы из судебного ведомства, которые дополняли управление на основе «благопристойности» (ли) наградами и наказаниями, определенными законами (фа). 5) «Школу имен» создали выходцы из ритуального ведомства, чья деятельность обуславливалась тем, что в древности в чинах и ритуалах номинальное и реальное не совпадало и возникала проблема их приведения во взаимное соответствие. 6) Моизм создали выходцы из храмовых сторожей, проповедовавшие бережливость, «всеобъемлющую любовь» (цзянь ай),

выдвижение «достойных» (сянь), почтение к «навям» (гуй), отрицание «предопределения» (мин) и «единообразия». 7) Дипломатическую «школу вертикальных и горизонтальных [политических союзов]» создали выходцы из посольского ведомства, способные «вершить дела как должно и руководствоваться предписаниями, а не словопрениями». 8) Эклектико-энциклопедическую «свободную школу» создали выходцы из советников, сочетавшие идеи конфуцианства и моизма, «школы имен» и легизма во имя поддержания порядка в государстве. 9) «Аграрную школу» создали выходцы из ведомства земледелия, ведавшие производством продовольствия и товаров, которые в Хун фане отнесены соответственно к первому и второму из восьми важнейших государственных дел (ба чжэн). 10) «Школу малых изъяснений» создали выходцы из низкорядных чиновников, которые должны были собирать сведения о настроениях среди народа на основе «уличных пересудов и дорожных слухов».

Оценив последнюю школу, носившую в большей степени фольклорный, нежели философский характер и продуцировавшую «беллетристику» (сяо шо) как не заслуживающую внимания, авторы этой теории признали девять оставшихся школ «взаимно противоположными, но формирующими друг друга» (сян фань эр сян чэн), т.е. идущими к одной цели разными путями и опирающимися на общий идейный базис – Шесть канонов (Лю цзин). Из заключения следовало, что разнообразие философских школ представляет собой вынужденное следствие распада общей государственной системы, естественным образом устраняющееся при восстановлении таковой и возвращении философской мысли в объединяющее и стандартизирующее конфуцианское русло.

Истоки классификации прослеживаются в энциклопедических памятниках 3–2 вв. до н.э. Люй ши чунь цю (Весны и осени господина Люя) и Хуайнань-цзы ([Трактат] Учителя из Хуайнани). В первом из них (гл. II, 5, 7) приведен список «десяти выдающихся мужей Поднебесной»: 1) Лао-цзы, «превозносящий уступчивость», 2) Конфуций, «превозносящий гуманность»,

3) Мо Ди, «превозносящий умеренность», 4) Гуань Инь, «превозносящий чистоту», 5) Ле-цзы, «превозносящий пустоту», 6) Тянь Пянь, «превозносящий равенство», 7) Ян Чжу, «превозносящий эгоизм», 8) Сунь Бинь, «превозносящий силу», 9) Ван Ляо, «превозносящий предшествование», 10) Эр Лян, «превозносящий последование». В этом наборе, помимо конфуцианства, моизма и различных разновидностей даосизма, тремя последними позициями отражена «военная школа», корреспондирующая с текстом Ивэнь чжи.

Созданная в период формирования централизованной империи Хань, чье наименование стало этнонимом самого китайского народа, называющего себя «ханьцами», теория Лю Синя – Бань Гу в традиционной науке обрела статус классической.

В китайской философии XX в. она была решительно раскритикована Ху Ши, но поддержана и развита Фэн Юланем, который пришел к выводу, что шесть основных школ создали представители не только разных профессий, но и разных типов личности и образа жизни. Конфуцианство сформировали ученые-интеллектуалы, моизм – рыцари, т.е. странствующие воины и ремесленники, даосизм – отшельники и затворники, «школу имен» – риторы-полемисты, «школу темного и светлого [мирообразующих начал]» – оккультисты и нумерологи, легизм – политики и советники властителей.

В западной синологии второй половины XX в. возобладали теория, согласно которой даосская философия сходным образом возникла на основе протодаосской религиозно-магической культуры шаманского типа, локализовавшейся на юге Китая, в так называемых «варварских царствах» (в первую очередь Чу), не входивших в круг Средних государств, считавшихся колыбелью китайской цивилизации (отсюда идея Китая как Средней империи). В соответствии с данной теорией, пионером которой стал французский синолог А.Масперо (1883–1945), даосизм представляет собой единое учение и его философская ипостась, выраженная прежде всего в классической триаде текстов Дао дэ цзин (Канон Пути и благодати), Чжан-

цзы ([Трактат] Учителя Чжуана), Ле-цзы ([Трактат] Учителя Ле), явилась теоретизирующей реакцией на соприкосновение с рационалистической конфуцианской культурой, локализовавшейся на Севере, в Срединных государствах.

Изначальный даосизм, представленный учениями Лао Даня, или Лао-цзы (традиционная датировка жизни: ок. 580 – ок. 500 до н.э., современная: V – IV вв. до н.э.), Чжуан Чжоу, или Чжуан-цзы (399–328 – 295–275 до н.э.), Ле Юй-коу, или Ле-цзы (ок. 430 – ок. 349 до н.э.), и Ян Чжу (440–414 – 380–360 до н.э.) и отраженный в названных их именами произведениях: Лао-цзы (или Дао дэ цзин), Чжуан-цзы, Ле-цзы, Ян Чжу (гл. 7 Ле-цзы), а также даосских разделов энциклопедических трактатов Гуань-цзы, Люй-ши чунь цю и Хуайнань-цзы, создал наиболее глубокую и оригинальную в древнекитайской философии онтологию.

Развивая тезис Дао дэ цзина об «отсутствии/небытии» как основе «деятельного проявления», т.е. «использования», всякого предмета, крупнейший представитель «учения о таинственном» Ван Би признал возможность для отсутствия/небытия выступать не только в качестве юн, но и в качестве ти, он первым ввел в философский оборот прямую категориальную оппозицию «ти – юн». Его последователь Хань Канбо в комментарии к Чжоу и достроил до конца эту понятийную конструкцию из двух пар коррелятивных категорий соотносением наличия/бытия с юн.

Напротив, главный теоретический оппонент Ван Би – Пэй Вэй, в трактате Чун ю лунь (О почитании наличия/бытия) утверждавший онтологический примат наличия/бытия над отсутствием/небытием, настаивал на том, что именно первое представляет собой ти и все в мире возникает благодаря «самопорождению» (цзы шэн) из этой телесной сущности.

Сян Сю и Го Сян заняли компромиссную позицию признания тождественности дао с отсутствием/небытием, но отрицания исходного порождения из последнего наличия/бытия, что устраняло возможность креационно-деистической трактовки дао. Согласно Го Сяну, реально

существующее наличие/бытие представляет собой естественно и спонтанно гармонизированное множество «самодовлеющих» (цзы дэ) вещей, которые, обладая «собственной природой», «самопорождаются» и «самостоятельно превращаются» (ду хуа).

Моизм явился одной из первых теоретических реакций на конфуцианство в древнекитайской философии. Создатель и единственный крупный представитель школы, названной его именем, – Мо Ди, или Мо-цзы (490–468 – 403–376 до н.э.), согласно Хуайнань-цзы, первоначально был сторонником конфуцианства, а затем выступил с его резкой критикой. От других философских течений древнего Китая моизм отличают две специфические особенности: теологизированность и организационная оформленность, что вместе с повышенным интересом к логико-методологической проблематике окрашивало его в схоластические тона. Эта своеобразная секта выходцев из нижних слоев общества, прежде всего ремесленников и внештатных воинов-удальцов («рыцарей» – ся), очень напоминала пифагорейский союз и возглавлялась «великим учителем» (цзюй цзы), который, согласно Чжуан-цзы, считался «совершенномудрым» (шэн) и которого Го Можо (1892–1978) сравнил с папой римским. Реконструируется следующая преемственность обладателей данного поста: Мо Ди – Цинь Гули (Хуали) – Мэн Шэн (Сюй Фань) – Тянь Сян-цзы (Тянь Цзи) – Фу Дунь. Затем в конце 4 в. до н.э., по-видимому, произошел распад единой организации на два или три направления «отделившихся моистов» (бе мо), во главе которых стояли Сянли Цинь, Сянфу (Бофу), Дэнлин. После теоретического и практического разгрома моизма во второй половине 3 в. до н.э., обусловленного его собственной дезинтеграцией и антигуманитарными репрессиями при династии Цинь (221–207 до н.э.), а также конфуцианскими запретами в эпоху Хань (206 до н.э. – 220 н.э.) он продолжал существовать лишь как духовное наследие, коллективно выработанное несколькими поколениями его представителей, целиком приписанное главе школы и

закрепленное в глубоком и обширном, но плохо сохранившемся трактате Мо-цзы.

Учение самого Мо-цзы изложено в десяти начальных главах, названия которых отражают его основополагающие идеи: «Почитание достойных» (Шан сянь), «Почитание единения» (Шан тун), «Объединяющая любовь» (Цзянь ай), «Отрицание нападений» (Фэй гун), «Сокращение потребления» (Цзе юн), «Сокращение погребальных [расходов]» (Цзе цзан), «Воля Неба», (Тянь чжи), «Духовидение» (Мин гуй), «Отрицание музыки» (Фэй юэ), «Отрицание предопределения» (Фэй мин). Все они разбиты на три схожие друг с другом части, что явилось следствием отмеченного в гл. 33 Чжуан-цзы и гл. 50 Хань Фэй-цзы разделения моистов на три направления, каждое из которых оставило свой вариант изложения общих положений. В середине трактата помещены главы «Канон» (Цзин), «Изъяснение канона» (Цзин шо), каждая в двух частях; «Большой выбор» (Да цюй) и «Малый выбор» (Сяо цюй), которые вместе называются «Моистским каноном» (Мо цзин), или «Моистской диалектикой» (Мо бянь), и представляют собой формализованный и терминологизированный текст, демонстрирующий высшие достижения древнекитайской протологической методологии, полученные к 3 в. до н.э. в кругах поздних моистов или, согласно гипотезе Ху Ши, последователей «школы имен». Содержание данного раздела Мо-цзы, охватывающее прежде всего гносеологическую, логико-грамматическую, математическую и естественнонаучную проблематику, благодаря ее сложности и специфической (интенциональной) форме изложения стало малопонятным уже для ближайших потомков. Заключительные главы трактата, позднейшие по времени написания, посвящены более конкретным вопросам обороны городов, фортификации и сооружения защитных орудий.

Вплоть до XVIII–XIX вв. трактат Мо-цзы занимал маргинальное положение в традиционной китайской культуре, специфическим проявлением чего стало включение его в XV в. в состав канонической

даосской библиотеки Дао цзан (Сокровищница дао), хотя уже в Мэн-цзы была отмечена противоположность моизма и даосизма (представленного Ян Чжу). Повышенный интерес к моизму, возникший в конце XIX – начале XX в. и поддержанный такими видными мыслителями и общественными деятелями, как Тань Сыту, Сунь Ятсен, Лян Цичао, Лу Синь, Ху Ши и другие, обуславливался, во-первых, общей тенденцией видеть в нем древнее провозвестие утилитаризма, социализма, коммунизма, марксизма и даже христианства, что затем обернулось его обличением Го Можо как тоталитаризма фашистского типа, а во-вторых, стимулированной столкновением с Западом активизацией поисков китайских аналогов западной научной методологии.

Легизм или «школа закона», представляет собой сформировавшееся в IV–III вв. до н.э. теоретическое обоснование тоталитарно-деспотического управления государством и обществом, которое первым в китайской теории добилось статуса единой официальной идеологии в первой централизованной империи Цинь. Легистское учение выражено в аутентичных трактатах Гуань-цзы ([Трактат] Учителя Гуань [Чжуна]), Шан цзюнь шу (Книга правителя [области] Шан [Гунсунь Яна]), Шэнь-цзы ([Трактат] Учитель Шэнь [Бухая]), Хань Фэй-цзы ([Трактат] Учителя Хань Фэя), а также менее значимых из-за сомнений в аутентичности и содержательной недифференцированности относительно «школы имен» и даосизма Дэн Си-цзы ([Трактат] Учителя Дэн Си) и Шэнь-цзы ([Трактат] учителя Шэнь [Дао]).

В период с IV по первую половину III в. до н.э. на основе отдельных идей, сформулированных предшественниками, практиками государственного управления, и под влиянием некоторых положений даосизма, моизма и «школы имен» произошло сложение легизма в целостное самостоятельное учение, ставшее в самую резкую оппозицию конфуцианству. Гуманизму, народолюбию, пацифизму и этико-ритуальному традиционализму последнего легизм противопоставил деспотизм, почитание власти, милитаризм и законническое новаторство. Из даосизма легисты почерпнули

представление о мировом процессе как естественном Пути-дао, в котором природа значимее культуры, из моизма – утилитаристский подход к человеческим ценностям, принцип равных возможностей и обожествление власти, а из «школы имен» – стремление к правильному балансу «имен» и «реалий».

Эти общие установки были конкретизированы в творчестве классиков легизма Шэнь Дао (ок. 395 – ок. 315 до н.э.), Шэнь Бухая (ок. 385 – ок. 337 до н.э.), Шан (Гунсунь) Яна (390–338 до н.э.) и Хань Фэя (ок. 280 – ок. 233 до н.э.).

Шэнь Дао, первоначально близкий к даосизму, впоследствии стал проповедовать «почтение к закону» (шан фа) и «уважение к властной силе» (чжун ши), поскольку «народ объединяется правителем, а дела решаются законом». С именем Шэнь Дао связывается выдвижение на первый план категории «ши» («властная сила»), совмещающей в себе понятия «власть» и «сила» и дающей содержательное наполнение формальному «закону». Согласно Шэнь Дао, «недостаточно быть достойным, чтобы подчинять народ, но достаточно обладать властной силой, чтобы подчинять достойного».

Школа имен и связанная с ней более общая традиция бянь («эристика», «диалектика», «софистика») в V–III вв. до н.э. аккумулировала в учениях своих представителей протологическую и «семиотическую» проблематику, частично затрагивавшуюся в даосской теории знакового релятивизма и словесной невыразимости истины, в конфуцианской концепции «выправления имен» (чжэн мин) соответственно порядку вещей, в моистской, ориентированной на науку систематики терминологических дефиниций и в связанных с судебной практикой методологических построениях легизма.

Прежде всего, усилиями философов «школы имен», а также испытавших их влияние поздних моистов и соединившего конфуцианство с легизмом Сюнь-цзы в Китае была создана оригинальная протологическая

методология, составлявшая в V–III вв. до н.э. реальную альтернативу в конечном счете победившей нумерологии.

Ведущими представителями школы были Хой Ши и Гунсунь Лун, однако от многочисленных писаний первого из них, которые, согласно Чжуан-цзы, могли заполнить пять повозок, ныне сохранились лишь отдельные высказывания, рассеянные по древнекитайским памятникам и собранные главным образом в заключительной 33-й главе Чжуан-цзы. По этим данным, Хой Ши предстает автором парадоксов, призванных продемонстрировать подобие (или даже тождество) сущностей, различающихся в наименовании, благодаря чему он считается родоначальником течения, утверждавшего «совпадение подобного и различного» (хэ тун и). Исходя из этой установки, согласно которой «вся тьма вещей и сходна и различна», Хой Ши ввел понятия «великое единое», которое «столь велико, что не имеет ничего вовне», и «малое единое», которое «столь мало, что не имеет ничего внутри». Вслед за Чжан Бинлянем и Ху Ши их иногда онтологически интерпретируют как представляющие соответственно пространство и время.

В отличие от Хой Ши, трактат Гунсунь Луна, носящий его имя, сохранился до наших дней и, будучи в основном аутентичным, является главным источником, представляющим идеи «школы имен». В ее рамках Гунсунь Лун возглавил полемизировавшее с Хой Ши течение, утверждавшее «разделенность твердости и белизны» (ли цзянь бай) как фиксируемых разными именами различных качеств единой вещи.

Согласно Фэн Юланю, Хой Ши проповедовал всеобщую относительность и изменчивость, тогда как Гунсунь Лун подчеркивал абсолютность и постоянство мира. Объединял их метод аргументации, основанный на анализе языка. В его разработке Гунсунь Лун продвинулся значительно дальше Хой Ши, попытавшись построить «логико-семантическую» теорию, синкретически соединяющую логику и грамматику и призванную, «выправив имена (мин) и реалии (ши),

преобразить Поднебесную». Будучи пацифистом и сторонником «всеобъемлющей любви» (цзянь ай), Гунсунь Лун развивал эристический аспект своей теории, рассчитывая путем доказательного убеждения предотвращать военные конфликты.

Мир, по Гунсунь Луну, состоит из отдельных «вещей» (у), которым присущи независимые разнородные качества, воспринимаемые различными органами чувств и синтезируемые «духом» (шэнь). То, что делает «вещь» таковой, есть ее существование в качестве конкретной реалии, которая должна быть однозначно именована. Провозглашенный еще Конфуцием идеал однозначного соответствия «имен» и «реалий» обусловил появление знаменитого тезиса Гунсунь Луна: «Белая лошадь не есть лошадь» (бай ма фэй ма), выражающего различие «имен» «белая лошадь» и «лошадь». Согласно традиционной трактовке, идущей от Сюнь-цзы, это высказывание отрицает отношение принадлежности. Современные исследователи чаще усматривают в нем: а) отрицание тождества (часть не равна целому) и соответственно проблему взаимоотношения единичного и общего; б) утверждение нетождественности понятий на основе различия их содержания; в) игнорирование объемов понятий при акцентуации содержания. По-видимому, этот тезис Гунсунь Луна свидетельствует о соотношении «имен» не по степени общности понятий, а по количественным параметрам денотатов. Гунсунь Лун рассматривал знаки так же натуралистически, как и представляемые ими объекты.

ЛЕКЦИЯ 5. ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

История Китая насчитывает около 3 300 лет, от середины правления династии Шан, когда появляются первые систематические надписи на гадальных костях. С другой стороны, если считать от археологической культуры Эрлитоу, которая представляла урбанистическую ориентацию, то это 3 700 лет.

Доисторическая эпоха

За последние полвека китайская археология добилась больших успехов, благодаря чему сложилась довольно чёткая картина истории Китая с древнейших, доисторических, времен. Примерно к 5000 г. до н.э. Китай находился в стадии позднего неолита, с поселениями, разбросанными по бассейнам двух великих рек, Хуанхэ на севере и Янцзы на юге.

Государство Шан (ок. 1600-1046 гг. до н.э.)

Долгий период бронзового века Китая, начавшийся в истории страны около 2000 года до н.э., ознаменовался ростом и зрелостью цивилизации. На ранних стадиях этого развития процесс урбанизации шел рука об руку с установлением социального порядка.

В древнем Китае, как и в других обществах, механизмом, обеспечивающим социальную сплоченность, а позднее и государственную власть, была ритуализация. Поскольку большинство атрибутов ранних ритуалов были сделаны из бронзы, а ритуалы выполняли столь важную социальную функцию, возможно, в формах и украшениях этих предметов можно прочесть некоторые из центральных проблем обществ.

Династия Шан в китайских источниках называемая Инь, представляла правящий дом на значительной территории северного Китая, со столицей Сяотунь.

История государства Шан известна из поздних источников, которые причисляют его к трём древним династиям Китая в истории страны (Ся, Шан

и Чжоу). Согласно историографии она была основана Чэн Тан и пришла в упадок при развратном правителе Чжоу Синь

Государство Чжоу (1046–256 гг. до н.э.)

Династия Шан была завоевана народом Чжоу, который пришел с далекого верховья Хуанхэ в районе Сианя в провинции Шэньси. В первый этап правления династии Чжоу известном как Западная Чжоу, правящий дом осуществлял определенную степень «императорской» власти над большей частью центрального Китая.

Второй этап известен как Восточное Чжоу, и подразделяется на два периода – Вёсен и Осеней и Сражающихся царств, когда семь крупных государств боролись за верховный контроль над страной. Завершился он объединением Китая под властью Цинь.

Империя Цинь

Изначально вассальное государство династии Чжоу на северо-западе Цинь к середине 3 в. до н.э. захватило территории небольших государств на своих южных и западных границах, проводя жесткую политику, направленную на укрепление и сохранение власти. В 221 г. до н.э., после подчинения всех других государств, правитель Цинь принимает титул император и инициирует ряд реформ для консолидации империи.

Государственной доктриной Цинь был легизм, философская школа, сосредоточенная на правителе и его умении использовать бюрократию, поддерживаемую квазиобъективным действием законов, стандартов и правил.

Династия Цинь просуществовала недолго. Будучи тиранической в своей форме самодержавия она была свергнута в результате восстания через несколько лет после формального основания.

На протяжении всего своего правления Цинь Шихуан продолжал расширять империю, в конечном итоге дойдя до юга Вьетнама. Его огромная империя была разделена на командорства и префектуры, которыми совместно управляли гражданские и военные чиновники под руководством

огромной центральной бюрократии. Эта административная структура служила образцом для управления в Китае вплоть до падения династии Цин в 1911 году.

Хань

Династия Хань рассматривается как переход от древних времен к средневековью в истории Китая. Из-за перерыва в процессе узурпации власти Ван Маном она разделена на Западную Хань и Восточную Хань.

Столица Западной Хань Чанъань (совр. Сиань, провинция Шэньси) – монументальный городской центр, расположенный по оси север-юг с дворцами, жилыми кварталами и двумя оживленными рыночными площадями, – был одним из двух крупнейших городов древнего мира (второй Рим).

Троецарствие

Вэй, У и Шу – три государства, возникшие как владения военачальников, которые боролись за власть над страной.

Законным преемником Хань считается Вэй (220–265), основанное Цао Пи, правившим северным Китаем. Юг контролировало государство У (222–280), основанное Сунь Цюань. В регионе Сычуань и Юньнань господствовало Шу (221–263), основанное Лю Бэй.

Империя Цзинь (265–420)

Цзинь – правящий дом, основанный Сыма Янь (император У). Цзинь были преемниками династии Вэй. Территория империи Цзинь охватывала весь Китай и вначале простиралась до западных территорий (современный Синьцзян). Эпоха Цзинь делится на Западную и Восточную.

Во времена Западной Цзинь столицей империи был Лоян. После её захват Лю Яо, правителем «варварской» династии Чжао, императорский двор бежал на юго-запад. Принц Сыма Жуй (император Юань) основал новую столицу в Цзянькане.

Империя Суй (581 – 618)

Династия Суй – относительно краткий правящий дом, воссоединивший Китай после долгих столетий разделения. Ян Цзянь, родственник Цзин-ди государства Северного Чжоу, контролировал императорскую армию и вынудил слабого правителя отречься от престола. После основания династи Ян Цзянь сначала объединил северный Китай, потом завоевал территорию Чэнь

Империя Тан (618–907)

Китай эпохи Тан стал одной из самых великих империй средневекового мира. Зарождается «Морской шелковый путь», связывающий западную часть Тихого океана и Индийский океан. Из-за этнической интеграции общество находилось под сильным влиянием этнических меньшинств, конфуцианская этика ослаблена, поэтому социальная атмосфера была более открытой, чем у предыдущего поколения, женщины стали свободными, а их статус относительно высоким.

Империя Сун (960–1279)

Династия Сун в культурном отношении была одной из самых ярких эпох в поздней имперской истории Китая. Время больших социальных и экономических перемен, этот период в значительной степени сформировал интеллектуальный и политический климат Китая вплоть до 20 века. Первая половина эпохи, когда столица находилась в Бяньляне, известна как Северная Сун.

Империя Мин

После поражения юаньских монголов, династия Мин, пришедшая к власти в 1368 году, стремилась восстановить китайскую культуру, подражая династии Сун.

Изначально территория Китая расширилась, увеличилась торговля с широким кругом государств, установились крепкие отношения со странами-данниками, включая Японию, Тибет, Среднюю Азию и Филиппиныю

Империя Цин

Ослабление династии Мин в конце 16 – начале 17 веков подготовило почву для захвата Китая маньчжурами в середине 17 века. Под именем династии Цин маньчжуры правили Китаем, значительной частью Центральной Азии и другими соседними регионами до конца 19 века. В этот период Китай – одна из самых богатых и густонаселенных стран мира, в основном благодаря эффективному производству, торговле чаем и предметами роскоши (шелк и фарфор).

Расцвет Цинской династии

Императоры Цин должны были завоевать доверие научной элиты Китая, особенно в нижнем регионе Янцзы. Таким образом, инспекционные поездки на Юг играли важную роль в политике Цин. Другим вопросом было решение 1712 г. заморозить «навсегда» налог, взимаемый с крестьянского населения. Помощь при стихийных бедствиях также относилась к политике «благожелательного правительства».

Полоса кризиса

В конце 18 века Китай преследуют растущие проблемы. Денежная инфляция и безудержная коррупция среди чиновничества привели к многочисленным крестьянским восстаниям. Длительный период мира способствовал резкому увеличению прироста населения. Все больше людей не могли прокормить себя.

Разрушение самоизоляции Китая

Успех династии Цин в поддержании старого порядка стал помехой, когда империя столкнулась с растущими проблемами со стороны мореходных западных держав. Столетия мира и самообеспечения, восходящие к временам династии Мин, мало способствовали изменению отношения правящей элиты

Имперские неоконфуцианские ученые приняли как аксиому культурное превосходство китайской цивилизации и положение империи в центре их воспринимаемого мира. Ставить под сомнение это предположение, предлагать новшества или способствовать принятию чужих идей считалось

равносильным ереси. Имперские чистки жестоко расправлялись с теми, кто отклонялся от ортодоксальности.

Политика реформы и возникновение революционного движения

В конце 19 века Китай существовал как нация только номинально. Династия Цин контролировала часть Китая, другая часть была разделена между военачальниками и иностранцами.

Революция 1911 года и создание Китайской Республики

Известная как Синьхайская революция она достигла кульминации в 1912 году, когда окончательно свергла цинское (маньчжурское) имперское правление над Китаем. Республика была основана в надежде создать современное государство, способное избавиться от образа упаднической формы правления и войти в сферу международного сообщества.

Образование КПК

Хотя социализм и коммунизм были известны в Китае давно, эта линия развития западной философии интересовала китайских интеллектуалов гораздо меньше, чем либеральные, демократические западные идеи. Было широко распространено мнение, что коммунизм не имел реальных перспектив для Китая, поскольку диктатура пролетариата представлялась уместной только в высокоиндустриальном, а не в аграрном обществе. Таким образом, в своем начале «Движение четвертого мая» 1919 года имело западные идеологические черты, но не было коммунистическим. Это изменилось с успехом коммунизма в России и теоретическими трудами Ленина

История КНР

10 октября 1949 года 55-летний лидер партии обратился к нации с площади Тяньаньмэнь, заявив, что «сегодня создано Центральное народное правительство Китайской Народной Республики».

Историю Народной Республики условно можно разделить на маоистскую эпоху и эпоху реформ и открытости.

Правление Мао Цзэдуна (1949–1976)

Марксистская революция Мао была направлена на создание Нового человека, который процветает в обществе, где классовые различия были устранены, а прогресс определялся диалектическим мышлением

При Мао решения часто принимались на основе предубеждений, без тщательного изучения их воздействия или без учета человеческих и экологических издержек. Особенности массовой политики революционной эпохи включали в себя яркие и, как правило, безосновательные кампании по поиску козлов отпущения, основанные на лозунгах кампании, направленные не только на разжигание ярости масс, но и на то, чтобы направить ее против постоянно меняющихся идеологически обозначенных «врагов», а также злобные и часто безжалостные сектантские атаки.

Эпоха реформ Дэн Сяопина (1978–1992)

В Китае при руководстве Дэн Сяопина стало разрешено частное предпринимательство сначала в сельском хозяйстве, а затем в торговле и промышленности. В двунаправленной модели государственные предприятия постепенно приватизировались (за исключением нескольких ключевых отраслей и финансового бизнеса). Наиболее важным было создание особых экономических зон в некоторых прибрежных городах, где иностранным предприятиям разрешалось инвестировать. Таким образом, Китай смог получить доступ к современным технологиям.

Особенности древней истории Китая описаны в ряде сборников, изданных под редакцией Гу Цзегана под общим наименованием «Гу ши бьянь» («Критическое изучение древней истории»).

Исследования по археологии Китая и изучению древнекитайских надписей представлены в многочисленных работах (Ань Чжи-минь, Ся Най, Ань Цзиньхуай, Го Бао-цзюнь, Тан Лань, Цзоу Хэн, Дин Шань, Юй Шэн-у, Чэнь Мэн-цзя, Жуй Гэн).

Историография Китая изучена в работах таких авторов, как Цзянь Бо-цзян, Ян Куаня, Ци Сы-хэ, Ли Сюэ-цин, Чжоу Гу-чэн.

В результате политики реформ и открытости, проводимой руководством Китая, в современной китайской культуре оказались нерасторжимыми китайская традиционная культура и западные инновации.

Несмотря на то, что во времена культурной революции, имевшей место в недавней истории Китая, китайская традиционная культура подверглась разрушению, но она все-таки не исчезла, существует и активно развивается сейчас. Китайская традиционная культура, будучи культурной кристаллизацией китайской нации, отражает национальную самобытность и внешние особенности китайцев, объемлет идеологические теории и концепции, возникавшие в разные периоды национальной истории.

Последователи современной культурной политики Китая вовсе не абсолютизируют китайскую традиционную культуру. Они понимают, что в ней, как и в любой культуре, есть как положительные, так и отрицательные элементы. От отрицательных элементов нужно избавляться, положительные же следует развивать. Основная цель культурной политики Китая - научить китайцев понимать и уважать собственную национальную культуру. Так, например, Ван Цзань написал, что «в лучших образцах традиционной культуры скапливаются духовное стремление китайской нации и большое духовное богатство, традиционная культура является глубоким основанием развития передовой культуры социализма, обеспечивая мощную поддержку общих духовных основ китайской нации».

Исследованиями специфики культуры Китая занимались Ли Цзи, Ху Ши, Дун Цзо-бинь.

Вопросы изучения особенностей китайской культуры освещаются в трудах российских зарубежных китаеведов и китайских ученых (В.М. Алексеева, И.Г. Барановва, А.А. Бокщанина, Л.С. Васильева, В.В. Малявина, А.С. Мартынова, М.Л. Титаренко, П. Фицджеральда, Ван Мэна, Линь Голяна, Мяо Кайцзина, Линь Голяна, Чжао Цзюня и другие).

К наиболее интересным работам в сфере изучения стратегем и феномена «стратегемности», как одной из главных характеристик

традиционного китайского мышления, следует отнести труды отечественных китаеведов, зарубежных исследователей и китайских культурологов, таких как В.М. Алексеев, В.П. Васильев, А.И. Кобзев, В.С. Колоколов, Н.И. Конрад; Х.фон Зенгер; Ван Цзошу, ДэнВэйчжи, Кун Дэюн, Ся Липинь, Цынь Ганн, Ши Вэйда и др. в их трудах проанализированы этно- и социокультурные особенности различных форм стратегического мышления китайцев, а также оригиналы и переводы классических древнекитайских текстов, отражающие традиционные аспекты формирования и развития современной культуры.

Проблемы модернизации, интеграции, социокультурные процессы, происходящие в современном Китае, рассматриваются в трудах синологов (Я.М.Бергера, Л.Н. Борох, Ю.М. Галеновича, О.В. Зотова ит.д.).

Следует отметить, что все авторы склонны выделять основные факторы развития культуры Китая: политический, региональный, лингвистический, природно-климатический, социальный, демографический, коммуникационный и другие.

ЛЕКЦИЯ 6. СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ШКОЛЫ СИНОЛОГИИ

Первые синологи-профессионалы появились в европейских университетах уже в начале XIX в. Во Франции это был Ж.Абель-Ремюза, в Германии - Ю.Клапрот. Школа французских синологов вскоре стала лидирующей. Она уже в первой половине XIX в. была представлена именами С.Жюльена и Э.Био, каждый из которых уделил немалое внимание древнему Китаю. Э.Био был автором фундаментального перевода на французский язык «Чжоули» - и до сих пор этот перевод, при всех его недостатках, остается единственным на европейских языках. Недостаток же работы Э.Био прежде всего в том, что перевод выполнен во многом в стиле аналогичных трудов предыдущей эпохи, времен миссионеров - мало внимания было уделено критическому комментарию текста, который того, безусловно, заслуживал. Вместе с тем перевод выполнен профессионально, рука державшего перо синолога здесь выгодно отличается своей твердостью. Можно сказать, что перевод Э.Био был сигналом перехода столь важного дела, как переводы и интерпретации древнекитайских текстов, из рук непрофессионалов (миссионеров) в руки специалистов-синологов. И пусть сигнал этот был еще не очень ярким - он все же уже совершенно точно знаменовал принципиальной важности изменение: отныне переводы и тем более обстоятельное изучение китайской классики и вообще задача ознакомления мира с Китаем, как древним, так и современным, становятся делом профессиональной науки, синологии, в лице ее представителей в разных странах, прежде всего передовых европейских.

Большое внимание уделялось научному инструментарию. Еще в XVIII в. миссионеры создали ряд трудов, посвященных грамматике китайского языка (Ж.Премар и др.), и первые, несовершенные пока рабочие словари. Более добротными были словари, ставшие плодом работы синологов-профессионалов XIX в. Словарь Г.Моррисона (1782-1834), например, состоял из трех томов. После его появления в разных странах до начала XX в. было

издано еще несколько высококачественных словарей и пособий по грамматике (Г.Джайльса, С.Куврера, Г.Габеленца и др.). Появление лингвистического инструментария способствовало расширению и улучшению работы с древними текстами, так что не приходится удивляться тому, что во второй половине XIX в. эта работа достигла вершин, подчас непревзойденных и сегодня. Имеется в виду прежде всего титанический труд и подлинный научный подвиг ДжЛегга.

Важно, впрочем, заметить, что взрыв научной активности в мировой синологии второй половины XIX в. был связан отнюдь не только и даже не столько с тем, что предыдущие эпохи поступательного развития принесли свои законные плоды. Сыграли свою роль и события середины века, связанные с открытием Китая для Европы и вообще для мира после «опиумных войн» и проникновения держав на китайский рынок. Потребности активного освоения этого гигантского полуколониального рынка оказались мощным стимулом, форсировавшим развитие синологии: практическая потребность в синологических исследованиях обеспечивала им соответствующее финансирование. Синологи получили прежде столь затруднительную для них (если не вести речь о первых поколениях миссионеров, да и то с необходимыми оговорками) возможность не просто побывать в Китае, но и жить в нем столько, сколько необходимо для успеха дела. К этому можно добавить, что значительный отряд синологов пополнил собой ряды специалистов-чиновников, прошедших десятилетия на службе в Китае, подчас и у правительства, хорошо изучивших язык и образ жизни страны и народа. Вот одним из таких синологов и был знаменитый ДжЛегг (1815-1897).

Он перевел и издал практически весь классический китайский конфуцианский канон - от «Луньюя» до «Лицзи». В каждом томе, посвященном тому или иному сочинению, приводятся параллельные тексты на китайском (оригинал) и английском (перевод), а также даются комментарии (на каждой странице есть кусок текста оригинала, его перевод и

относящийся к этому отрывку комментарий). Комментарий дается и текстовой, и смысловой, отнюдь не сводящийся к механической перепечатке чужих комментариев; это комментарий сводный и собственный, т.е. учитывающий и чужие рассуждения и указания, и собственное понимание, свое понимание текста и всего с ним связанного. Кроме того, каждый из томов снабжен великолепным научным аппаратом, начиная с обстоятельного предисловия, включающего историю текста, а если нужно, то и биографический очерк о его авторе или авторах, и кончая многочисленными и тщательно выполненными индексами, а также списком ошибок и опечаток.

Труды ДжЛегга, таким образом, - не просто переводы. Это обстоятельнейшие научные исследования, сопровождаемые столь же обстоятельными и на высоком уровне сделанными переводами, каждое разночтение в которых оговорено и обосновано. Сказанное, разумеется, не означает, что все в переводах ДжЛегга бесспорно, и за столетие с лишком после их публикации различными синологами были изданы новые переводы почти всех конфуцианских канонических книг. Но тем не менее переводы ДжЛегга остаются в строю, регулярно переиздаются как на Западе, так и в Китае (в КНР и на Тайване отдельно), что не может не служить их лучшей аттестацией. Если прибавить к этому, что научные интересы ДжЛегга не ограничивались конфуцианским каноном, что он издал также в своих переводах некоторые книги даосского канона, в частности «Чжуан-цзы», а также иные сочинения о Китае, то место его в мировой синологии будет окончательно и четко обозначено: он один из тех, кто более других сделал в этой науке, причем на высочайшем научном уровне.

Уровень, заданный им, не всеми синологами конца XIX и начала XX в. был поддержан. Переводы древнекитайских текстов французскими или франкоязычными синологами Ш.Арле и Л.Виже не были столь качественными, хотя каждый из них внес свою весомую лепту в общий тезаурус синологии. Более высоким уровнем отличались переводы француза С.Куврера, который перевел на французский большинство из тех

древнекитайских текстов, которые чуть раньше него перевел на английский Легг. Речь не о том, что ДжЛегг проложил дорогу, а С.Кувреру требовалось меньше труда, дабы по ней пройти. Французский синолог был великолепным знатоком древнекитайского языка и древнекитайских текстов, автором большого китайско-французского словаря, в котором едва ли не каждое слово иллюстрировалось отрывками из упомянутых текстов, так что самостоятельность его переводов не может быть подвергнута сомнению. Но как бы то ни было, он был вторым. Да и качество его переводческой и аналитической работы, пожалуй, все же уступало тому, что достиг ДжЛегг, - хотя это не исключило переиздание многих из его переводов.

Своего рода вершиной, пиком переводческой синологической культуры XIX в. можно считать попытку Э.Шаванна (1865-1918) сделать научный перевод «Шицзи», с учетом как достижений переводческой синологической текстологии XIX в., так и стандартов исследовательского мастерства европейской науки XX в. Шесть томов перевода Э.Шаванна (не охвативших, увы, всего труда Сыма Цяня) выходили в свет уже в XX в. и были завершающим аккордом синологических усилий автора. К слову, помимо этих переводов он сумел немало сделать и в других жанрах, будь то история китайской религии, археологическое изучение Китая или публикация документов, открытых экспедицией А.Стейна. Его работы отличаются глубиной исследовательского анализа, что с особенной ясностью проявилось в переводе «Шицзи». Уровень исследовательского мастерства здесь необычайно высок. Не исключено, что желание не снизить его задержало работу над переводом и было одной из причин, по которым перевод не был доведен до конца.

Завершая общий очерк развития западной синологии в XIX и начале XX в., существенно подчеркнуть, что в основе своей синология этого времени продолжала традиции предыдущего этапа. Однако, продолжая их, т.е. занимаясь в основном тем, чтобы ввести в научный оборот максимальное число древнекитайских первоисточников (коль скоро речь идет именно о

китайской древности, то сделаем акцент на этом), синология XIX в. была в то же время принципиально отличной от того, чем она была на предшествующем этапе ее развития. Различие было в том, что она поднялась на подлинно научный уровень, стала отраслью гуманитарной науки XIX в., ставя своей целью не только и не столько перевести текст (как было ранее), но изучить и исследовать его, сопроводить перевод серьезной аналитической работой и тем определить значение источника и раскрыть его для читателя. Разумеется, не все работы соответствовали этому высокому уровню, как не все переводы достигают его и в наши дни, о чем можно судить, к сожалению, и на некоторых отечественных примерах. Однако важно подчеркнуть, что высокий стандарт перевода тем не менее был достигнут в XIX в., так что задачей последующих переводчиков было не снизить его, что, естественно, не всегда и не всем удавалось.

Существенно добавить ко всему сказанному, что синология XIX в., уже достаточно обогатившаяся серьезно изученными источниками, могла, во всяком случае на рубеже XIX-XX вв., перейти к созданию сводно-обобщающих трудов типа исторических очерков, сочинений исторического и историко-культурного характера и монографических исследований по различным проблемам истории и культуры Китая, в том числе и древнего. Французский синолог А.Кордье в 1920 г. опубликовал 4-томную историю Китая, англичанин Г.Джайльс - ряд книг по религии и очень необходимый каждому синологу краткий китайский биографический словарь, Э.Паркер - книги о древнем Китае и китайской религии.

Стоит обратить внимание на то, что после того вклада в мировую синологию, который внес Дж.Легг, Англия понемногу превращалась едва ли не в важнейший центр синологии. Конечно, слава французской синологии поддерживалась именами и работами С.Куврера и Э.Шаванна, так что в общем и целом престиж французов в науке о Китае сохранялся. Но английская синология тем не менее быстро набирала очки, что в немалой степени было связано с ролью англичан на китайском рынке, еще Англия во

второй половине XIX в. безусловно доминировала. Если говорить не только о китайских древностях, но об истории Китая в целом, то приоритет английской синологии можно для конца XIX в. считать бесспорным — спорен он только в том случае, если иметь в виду изучение китайской древности.

Особо следует сказать о немецкой синологии XIX в. Она сравнительно небогата, представлена именами В.Грубе, Ф.Рихтгофена, А.Конради и немногих других. В.Грубе написал книги о китайской религии и цивилизации, Ф.Рихтгофен - о Китае вообще. На немецком (впрочем, также и на английском) написал ряд книг голландец де-Гроот. Конечно, были и другие синологи, писавшие на немецком, но их было не очень много, и они не оставили после себя заметных, тем более эпохальных сочинений, сравнимых с теми, что в те же времена издавали французы и англичане. Однако начало было положено. Успехи немецкой синологии были еще впереди. Как, впрочем, и американской, представленной в XIX в. очень немногими, к тому же малозаметными именами. Тем более сказанное относится к синологическим работам, имевшим отношение исключительно к древнему Китаю.

Впрочем, было бы неверным применительно к XIX в. - а частично и к XX в. - специально характеризовать отдельные национальные отряды синологии. Европейскую синологию целесообразно воспринимать как некое единое целое, лишь вскользь обозначая национальные отряды, как то и сделано выше. Другое дело - китайская и тем более отечественная русская синология. О них необходимо вести речь особо. Но при этом важно обратить внимание на некоторую научную вторичность, периферийность синологии в Китае и России. Нет сомнений в том, что именно западная синология XIX в. заложила единую общую основу высокого стандарта в изучении Китая. Этот стандарт должен был повлиять на всех остальных, в том числе и на Китай, особенно после того, как традиционная китайская наука, испытав вместе со всем обществом серьезную трансформацию в конце XIX и начале XX в.,

достигла более высокого и, главное, отвечающего современным требованиям уровня, обратившись при этом лицом к Западу.

Двадцатый век - век расцвета синологии как науки. На всем его протяжении шел процесс постепенного, но постоянного углубления знаний о Китае в разных направлениях. Продолжалось изучение древнекитайских текстов, причем уровень перевода и авторского комментария, равно как и глубина исследовательского анализа проблем, связанных с текстами, а также временем и обстоятельствами их появления, неизменно возрастал. Каждый новый перевод уже переведенного ранее и потому хорошо известного сочинения, будь то «Луньюй», «Ицзин» или «Даодэ цзин», имел право на существование лишь в том случае, если он вносил что-то новое в понимание текста и в связанную с ним проблематику. И именно это было в некотором смысле гарантией высокого качества работы. Кроме того, многие древнекитайские сочинения оставались, а некоторые, пусть немногие, остаются не переведенными ни на один европейский язык и по сей день. Поэтому особое внимание исследователей было уделено, помимо прочего, переводам тех текстов, что не переводились ранее. Англичанин Г.Дабс, например, перевел династийную историю «Хань шу» и трактат «Сюнь-цзы». Другой маститый английский синолог, А.Уэйли, заново перевел «Луньюй» и некоторые даосские тексты и издал при этом специальные монографии, посвященные анализу древнекитайской мысли. Еще более отчетливо эта направленность работы проявилась в трудах А.Грэхема. Занявшись серьезным анализом текстов даосских философов, Чжуан-цзы и Ле-цзы, он написал ряд работ, внесших немалый вклад не только в развитие практики перевода древнекитайских текстов, но и в изучение даосизма как течения мысли, в проблему датировки написания даосских трактатов.

Вообще исследование древнекитайских текстов в XX в., как это уже было отмечено на примере только что упомянутых английских синологов, оказалось тесно связанным с монографическим изучением текста. Это направление в истории мировой синологии стало в нашем веке едва ли не

преобладающим. Одним из первых здесь задал тон немецкий исследователь Р. Вильгельм, который в первой четверга века написал ряд книг, посвященных древнекитайским философам и их трактатам - Конфуцию, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы, но более всего прославился переводом и исследованием текста «Ицзина». Эта работа до сего дня считается классической и неоднократно переиздавалась, в том числе и в переводе на английский. Ценность ее не только и даже не столько в переводе текста и комментариев к нему, сколько в том, что автор глубоко вник в суть проблематики трактата и сумел квалифицированно поведать о ней читателю.

Явственный уклон в сторону перевода и исследования древнекитайских текстов, не прекращавшийся на протяжении всего века, позволил познакомить европейского читателя с их основным корпусом. Работа такого рода продолжается и в наши дни и, надо надеяться, приведет в конечном счете к тому, что все сколько-нибудь значимые тексты - во всяком случае все те, что охарактеризованы в предыдущей главе, - будут переведены и исследованы на добротном современном научном уровне. Но этого мало. Синологами в середине XX в. был сделан еще один важный шаг в изучении древнего Китая. Опираясь на уже изученные и введенные синологией в научный оборот древнекитайские тексты, шведский ученый Б. Карлгрен в своей классической «Grammata Serica» дал не только тщательно продуманный словарь древних китайских знаков, но и сумел реконструировать их звучание. Работы Б. Карлгрена, опиравшегося на созданный им глоссарий, позволили воспринять книгу песен «Шицзин» как сборник действительно рифмованных поэм, стихов и гимнов. Кроме того, был дан новый перевод аутентичного текста «Шуцзина». Но главное, что внес Б. Карлгрен в сложившуюся уже в синологии практику перевода, интерпретации и монографического исследования древних текстов, - это поэзия дерзания, стремление увидеть в привычном непривычное, докопаться до глубин, открыть неведомое. Именно поэтому изучение китайских текстов после него как бы поднялось на новую ступень.

Другим весьма значимым направлением в области изучения древнего Китая стала в XX в. монографическая разработка отдельных проблем. Монографий на самые разные темы, порой и весьма узкие, написано синологами разных стран Европы, Америки и Азии, в частности Японии, великое множество. Перечислить их все, даже наиболее заметные, нет возможности. Их слишком много. Но специалисты легко могут узнать о них и использовать их. Именно для этого создаются каталоги, издаются библиографические справочники, не говоря уже о практике приложения к наиболее солидным изданиям обширного списка использованной литературы.

Третьим, очень распространенным именно в XX в. направлением развития мировой синологии стало создание фундаментальных обобщающих работ. Работы этого жанра требуют немалых знаний и усилий, так что издаются они не столь уж часто. Как правило, появление трудов такого типа обуславливается потребностью отразить достигнутый в данное время уровень развития науки. Новые переводы, новые, введенные в оборот источники, новые типы источников (надписи на шанских костях, данные археологических раскопок) приводят к появлению новых монографических разработок, а за ними с неизменной закономерностью следуют новые попытки создания обобщающих работ, будь то скромные учебные пособия или капитальные многотомные издания в стиле Д.Нидэма, автора серии исследований, посвященных науке и цивилизации в Китае.

Обобщающие работы по древнему Китаю издавались еще на рубеже XIX-XX вв. В первой половине нашего века появились уже весьма серьезные капитальные сводки. Это книги упомянутого Р.Вильгельма о китайской культуре, знаменитого французского сиолога М.Гране о китайской цивилизации и китайской мысли, немецкого философа А.Форке по истории древнекитайской философии, наконец, фундаментальный труд А.Масперо о древнем Китае и аналогичные работы А.Кордые и О.Франке.

Изданием перечисленных работ, почти совпавших по времени появления на свет, был как бы завершен некий этап в изучении и осмыслении мировой синологией проблематики древнего Китая. Но сразу же начался следующий, протекавший примерно в том же ритме, но уже с некоторыми новациями. Наибольшее значение из них имели археологические материалы, начавшие все более солидным потоком заполнять собой страницы специальных изданий. С 30-40-х годов нашего века они почти абсолютно преобладали в публикациях по древнекитайской археологии и искусству древнего Китая. Прерванный на некоторое время событиями середины нашего века (вторая мировая война в Европе и революция в Китае), этот поток археологических материалов продолжал нарастать в последующие десятилетия и весомо ощущается и в наши дни.

В период до окончания Первой мировой войны активно работали сложившиеся в предыдущий период китаеведческие центры. Новое поколение китаеведов начинает активно работать в 1920-е гг.

Среди зарубежных китаеведов этой поры следует упомянуть следующих:

- Б. Карлгрен (1889-1978), Швеция, основатель принципиально нового направления, создатель исторической фонологии китайского языка, переводчик древних памятников;
- Э. Эберхард (р. 1909), Германия, исследователь простонародных обрядов;
- Этьен Балаш (1905-1963), франко-германский китаевед, исследователь социально-политической истории Китая;
- Э. Грэм (1919-1991), Великобритания, китаевед-философ^[18], занимавшийся теорией познания китайской философии;
- Гомер Дабс (1892-1969), Великобритания, работал над связями Древнего Китая и окружающего мира;
- Дерк Боддэ (1909-2003) и Джон Кинг Фэрбэнк (1907-1991), США, специалисты по истории и культурологии и традиционной философии.

Вторая половина XX века

После Второй мировой войны наблюдается значительная эволюция мирового китаеведения. Формируются самостоятельные направления исследований - даология (Харли Крил, Натан Сивин), буддология (Э. Цюрхер, Р. Робинсон), исследования архаического Китая (Майкл Лёве, К. Чан, Дж. Мэйджор), исследования связей Китая и Европы в новое время (Дж. К. Фэрбэнк), история литературной и эстетической мысли (Дж. Лю, А. Райт), религиоведение Китая (Л. Томпсон). Главные центры мирового китаеведения располагаются в США.

Качественное изменение претерпело китаеведческое литературоведение, которое переходит к изучению общекультурных процессов и феноменов. Особое место здесь принадлежит голландскому дипломату и писателю Роберту ван Гулику (1910-1966), который помимо массы трудов по малоизвестным аспектам китайской культуры (от образа гиббона в китайской литературе и искусстве до традиционных способов развешивания художественных произведений), в 1961 г. опубликовал монографию «Сексуальная жизнь в Древнем Китае», посвящённой матримониальным устоям, интимным отношениям и эротологическим концепциям.

Продолжается интенсивная работа по переводу источников и созданию обобщающих трудов. Переворот совершил английский биохимик Джозеф Нидэм, начавший в 1954 г. издание серии монографий «Наука и цивилизация в Китае» (14 тт.).

Характерная особенность китаеведения XX в. - огромное расширение предмета его исследований. Помимо традиционного изучения и перевода древних литературных памятников, начинаются активные полевые исследования современного Китая и археологическое изучение этой страны.

Продолжается развитие китаеведения в США. Возникают центры по изучению Китая в Колумбийском (Нью-Йорк) и Гарвардском университетах.

Первыми специалистами-китаеводами США были приглашённые зарубежные учёные (Фридрих Хирт).

Собственно говоря, именно американские синологи второй половины XX века (а кое-кто из них активно работал и ранее) сыграли решающую роль в исследовании проблем древнего Китая. Разумеется, для этого до них была создана хорошая основа. Но именно их усилиями в первую очередь и едва ли не в наибольшей степени были достигнуты заметные результаты. Так, один из наиболее крупных современных синологов Г.Крил, опубликовавший за свою долгую жизнь немало великолепных монографических исследований, многое сделал для изучения шанского и чжоуского Китая, истории китайской мысли. Он написал капитальную монографию, посвященную становлению западночжоуского государства, ряд великолепных и хорошо аргументированных книг о Конфуции и конфуцианстве, реконструировал утраченный текст книги Шэнь Бу-хая и в своих многочисленных статьях касался самых разных конкретных тем, будь то вопрос об уездной системе и становлении бюрократической администрации или проблема толкования какого-либо весьма неясного термина.

Исследовательской манере Г.Крила свойственна глубина научного анализа в сочетании с необычайной широтой поиска. Он великолепно знает древнекитайские источники и относится к ним весьма критически, что позволяет ему опираться на весомую и неоспоримую источниковедческую основу, как это наиболее явно видно на примере написанных им книг о Конфуции, на страницах которых этот великий китайский мыслитель предстает в своем реальном облике, очищенном от наслоений сомнительных апокрифов, ставивших своей целью либо возвеличить Конфуция и приписать ему то, чего не было, либо, напротив, поставить те или иные стороны его натуры под сомнение.

Что касается работ Г.Крила по истории Шан и Западного Чжоу, то в них, особенно в монографии о Чжоу, не только введена в научный оборот масса источников, но и выдвинуты, а также обстоятельно разработаны

важнейшие проблемы истории Китая, до того бывшие очень слабо изученными или не изученными вовсе.

Серьезный вклад в изучение истории чжоуского Китая внес современник и соотечественник Г.Крилла В.Эберхард, в специальных монографических и сводно-обобщающих трудах которого тоже было предложено немало серьезных и хорошо аргументированных решений ряда проблем древнекитайской истории. Его интерес в наибольшей степени был направлен в сторону изучения соседей Китая и этнических связей древних китайцев. Однако в своих общих работах В.Эберхард немало внимания уделил и разработке многих иных тем, будь то проблема этнической суперстратификации чжоусцев и ее значения для истории чжоуского Китая или вопросы китайской культуры.

Среди американских синологов немало специалистов, сконцентрировавших свое внимание на более узких периодах истории Китая и на отдельных проблемах. Монографическое изучение проблемы рабства в древнем Китае, в частности, позволило М.Уильбуру сделать вывод о незначительной роли этого института. Работы Д.Бодде и Г.Биленстайна внесли серьезный вклад в изучение завершающего этапа древнекитайской истории. Много ценных данных о древнекитайской бронзе и особенно бронзовом оружии опубликовал М.Лер.

В последние десятилетия заявило о себе новое поколение высококвалифицированных мастеров американской синологии, посвятивших свои работы древнему Китаю. Среди них наибольших результатов достигли Д.Китли и Чжан Гуан-чжи, написавшие ряд работ, посвященных анализу археологических материалов, преимущественно времен неолита и Шан, а также надписей на шанских костях. Монография Д.Китли о шанских надписях — лучшее в своем роде издание по этой теме, несмотря на то, что центром изучения гадательных надписей всегда был и остается поныне Китай, ще о шанских текстах опубликованы сотни, если не тысячи специальных работ. Серия книг Чжан Гуан-чжи по китайской археологии

тоже заметно выделяется среди массы аналогичных работ, опубликованных в Китае. Их достоинства определяются не столько широтой источниковедческой основы, сколько достигнутой американской школой синологии методикой научного исследования. Не все мысли и выводы Чжан Гуан-чжи бесспорны. В частности, это касается его стремления в основном поддержать позицию синоцентризма, столь настойчиво отстаиваемую китайскими синологами в важных вопросах о генезисе китайской цивилизации, китайского зернового неолита, культурных достижений шанского урбанизма и т.п. На сходных позициях стоят и некоторые другие американские синологи, занимающиеся археологией, как, например, Хэ Бинди. И эту точку зрения можно понять: все новые и новые находки убеждают, что проблема генезиса китайской цивилизации и едва ли не всех основных ее элементов сложна, а прежние поиски легкого ее решения, восходящие к XIX в., явно не годятся.

Историю чжоуского Китая разрабатывает в своих трудах американский синолог Сюй Чжо-юнь, чьи книги способствуют систематизации знаний о чжоуском Китае. Впрочем, коснувшись вопроса о систематическом изучении древнекитайского исторического процесса, следует обратить внимание еще на одну сторону современной американской синологии. Речь идет о концептуальном осмыслении упомянутого процесса. В свое время проблема эта была поставлена М.Вебером, который, не будучи профессионалом-синологом, в своей великолепной и новаторской работе о Китае обратил особое внимание на китайскую систему патримониальной бюрократии. В сочетании с распространившимся в отечественной и китайской синологии истматовским отношением к историческому процессу эти идеи не могли оставить специалистов по Китаю равнодушными, особенно там, где соответствующие проблемы энергично разрабатывались, как то было в США.

Об идеях М.Вебера и К.Маркса в связи с историей древнего Китая писали разные синологи (в частности, М.Уильбур, касавшийся проблем рабства), но, как правило, не специально, обычно лишь мельком их касаясь.

Отношение к идеям такого рода, особенно марксистским, было, как правило, сдержанно-критическим. Но встречались и работы иного характера. К ним стоит в первую очередь отнести монографию К.Витфогеля «Восточный деспотизм», еще очень обстоятельно были разобраны как идея Маркса об «азиатском» способе производства, к которой автор, в прошлом активный марксист, был равнодушен, так и реальное ее воплощение в Китае (точнее, дана оценка китайского общества с позиций этой идеи). Стоит в связи с этим заметить, что К.Витфогель в своей работе, имевшей большой резонанс, резко и решительно разоблачал восточный деспотизм как социополитический и социэкономический феномен, а также недвусмысленно проводил параллель между ним и марксистским социализмом как идеей, воплощенной в разных странах.

ЛЕКЦИЯ 7. СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

Россия, успешно дрейфовавшая в сторону Европы после реформ Петра I, была страной, для которой изучение Китая с XVII в. было важным делом. Первые контакты между Россией и Китаем на государственном уровне были установлены еще в первой половине XVII в., после этого задача изучения соседней страны стала вопросом политическим. Созданная в Пекине православная духовная миссия была с XVIII в. центром русского китаеведения, и это выгодно отличало Россию от стран Запада, которые в то время не имели подобного рода возможности изучать Китай. Из числа первых русских китаеведов следует особо выделить Н.Я.Бичурина, чьи многочисленные переводы, компиляции китайских источников и оригинальные работы не только знакомили русских с огромной соседней страной, но и вводили в научный оборот важные сведения о древних народах, живших на территории Сибири и Средней Азии (за счет перевода глав из ряда династийных историй). Представленное Н.Я.Бичуриным русское китаеведение начала XIX в. было на уровне лучших достижений западной синологии той эпохи.

Вторая половина XIX в. в русском китаеведении связана с именем и деятельностью академика В.П.Васильева, также прошедшего в молодости через пекинскую духовную миссию. Будучи признанным специалистом в области буддологии и истории дальневосточных религий, он вместе с тем немало внимания уделил древним китайским текстам, переведя ряд из них на русский. Ученики В.П.Васильева, создавшего центр востоковедческих студий при Петербургском университете (восточный факультет), в конце XIX в. уже достаточно глубоко изучали древнюю историю Китая. Среди них особого упоминания заслуживает С.Георгиевский. На рубеже XIX-XX вв. П.Попов перевел на русский «Луныой» и «Мэн-цзы», а А.Иванов - «Хань Фэй-цзы». Если прибавить перевод «Чуньцю», сделанный Н.Монастыревым

еще в 1876 г., то этим, пожалуй, и ограничиваются русские опубликованные переводы китайских древних сочинений, сделанные в то время.

Следует признать, что, несмотря на мировое значение и признание трудов В.П.Васильева, особенно буддологических его исследований, уровень развития русского китаеведения во второй половине XIX и начале XX в. сильно уступал тому, что был достигнут мировой синологией той эпохи, в первую очередь французской и английской.

Вплоть до 1917 г. ситуация в этом плане оставалась достаточно стабильной и очевидной: русская синология понемногу развивалась, отставая от европейской и испытывая на себе ее влияние.

1917 год кардинально изменил судьбы всей России, русской науки, русской интеллигенции и, естественно, русской синологии.

Китаеведение практически исчезло. Немногие оставшиеся в живых и не эмигрировавшие синологи либо надолго замолкли, либо перестали публиковать свои труды вообще, как то случилось, в частности, с Н.В.Кюннером, мало представленным в корпусе советских китаеведческих публикаций. В значительной части в стол работали петербургские китаеведы старой выучки во главе с В.М.Алексеевым. Тем не менее петербургская школа, оставшаяся после 1917 г. фактически единственной в СССР школой востоковедения и бывшая таковой до 30-х годов, продолжала не только существовать, но и воспитывать новые кадры Ю.К.Шуцкий, А.А.Штукин, К.К.Флуг. Очень мало возможностей для публикаций своих работ, в том числе и по древнему Китаю, имели эти китаеведы. Написанные ими труды, как и книги их учителя В.М.Алексеева, вышли в свет лишь посмертно, в 50-60-е годы.

Петербургская школа русского китаеведения не имела возможности свободно и активно развиваться, соразмеряя свою деятельность с расцветом мировой синологии. И не только потому, что написанные на высоком для второй трети нашего века уровне работы ее представителей десятилетиями оставались неизданными. Не только потому, что многие из них в 30-е годы

были физически уничтожены, а оставшиеся снова надолго замолчали. Но и главным образом из-за того, что ученые петербургской школы русского китаеведения плохо вписывались в зарождавшуюся новую школу советского китаеведения, центр которого с 30-х годов формировался в Москве.

Советская московская школа китаеведения принципиально отличалась от старой петербургской. Правда, эти отличия в конечном счете не помешали тому, что очередное поколение петербургских китаеведов, послевоенное, стало поколением советских китаеведов, а часть старых петербургских синологов, уцелевшая от чисток, даже возглавила его, как в Ленинграде, так и в Москве. Но, несмотря на это, разница между школами была принципиальной: первая была осколком классического русского китаеведения, вторая стала новообразованием, не только открепившимся от многих позиций русской школы буржуазного, как его тогда именовали, китаеведения, но и осознанно стремившимся создать принципиально новое, иное, марксистское советское китаеведение.

Советское китаеведение, сильно обескровленное в 1930-е гг., оказалось более жёстко, чем на Западе, ограничено официальной идеологией. На первый план выходит изучение повстанческих движений (В. П. Илюшечкин), история КПК и простонародной культуры (В. И. Глунин, А. М. Григорьев, К. В. Кукушкин.). Из китаеведов, разрабатывавших традиционные темы, следует отметить академика Н. И. Конрада (переводчика классических трактатов по военному искусству), О. Л. Фишман, изучавшую аспекты восприятия Китая в Европе, даолога Л. Д. Позднееву, философа В. А. Рубина.

Соответственно и те из отечественных синологов, кто активно предпочитал опираться едва ли не исключительно на китайскую историографию - что чаще всего проявляло себя в монографиях, посвященных древнекитайской мысли, - как бы сознательно делали ставку на идеологический выигрыш, откровенно пренебрегая подлинным гамбургским счетом мировой синологии.

Советское китаеведение 50-60-х годов в результате стало возрождать некоторые утраченные традиции петербургской школы. Публиковались забытые труды репрессированных ученых, а также тех, кто, наподобие В.М.Алексеева, долгие годы складывал свои работы в стол. Наконец заявили о себе молодые ученые. И хотя в их трудах продолжала наличествовать марксистская догма, а рассуждения о рабовладении были неотъемлемой частью многих монографий на тему древнего Китая, были там и активные поиски, попытки серьезного академического исследования на базе многочисленных источников (монографии Л.С.Переломова, Ю.Л.Кроля, М.В.Крюкова, К.В.Васильева, В.А.Рубина, Ф.С.Быкова и др.).

Эти монографии, а также публикации китаеведов старшего поколения (В.М.Штейна, Л.И.Думана) создали благоприятную основу для развития китаеведения в стране. И хотя идеологический климат время от времени изменялся - то в одну, то в другую сторону, - вырванная китаеведами (и востоковедами в целом) относительная свобода действий давала свои плоды.

Отечественное востоковедение в 70-80-е годы быстро наверстывало упущенное и обретало некоторый международный авторитет. Вэтом время выходит в свет один за другим тома «Шицзи» в переводе на русский Р.В.Вяткина, и к некоторым другим русским переводам древнекитайских источников, появившимся в упомянутые годы. Это же касается и монографических исследований, посвященных различным проблемам древней истории Китая и древнекитайской мысли.

70-80-е годы были ознаменованы появлением в стране нескольких новых центров китаеведения, причем одним из наиболее весомых среди них стал новосибирский, где преимущественное внимание уделялось и уделяется китайской археологии. Изучение археологии Китая - занятие сравнительно новое, как, впрочем, и во всей мировой синологии. Общеизвестны работы В.Е. Ларичева, С. Кучеры, а также группы новосибирских специалистов, активно работающих в этом направлении. Были изданы сводно-обобщающие книги «Древние китайцы» и «Древние китайцы в эпоху централизованных

империй», в которых археологический материал был интерпретирован вместе с данными других древнекитайских источников в контексте истории народностей Китая, при этом, как то в большинстве случаев принято сегодня в мировой синологии, с явным креном в сторону синоцентрической модели. Есть и ряд интересных работ этнографического характера, описывающих историю и образ жизни народов древнего Китая.

Особое место занимает развитие китаеведения в Советском Союзе. В 1929г. Азиатский музей Академии наук был превращён в академический Институт востоковедения. Лидирующую роль в исследованиях играл В. М. Алексеев, защитивший докторскую диссертацию ещё в 1916г. Научное наследие его включает более 260 работ. Из первой генерации коллег и учеников Алексеева следует выделить Н. И. Конрада, Б. А. Васильева, а также Ю. К. Щуцкого. Щуцкий посвятил себя изучению древней философии. Его перевод «Книги Перемен» - считается одним из главных китаеведческих трудов XX в. А. А. Штукин посвятил всю жизнь полному поэтическому переводу «Книги песен». Разгром востоковедения в период репрессий на десятилетия задержал дальнейшие исследования.

За последние десятилетия было уделено немало внимания переводам. Не все они были удачны, зато их было достаточно много. Несколько сочинений издал в своем переводе В.С.Таскин. Многие сделали в этом направлении и другие синологи, подчас работая на стыке филологии и философии, как Л.Д.Позднеева. О древнекитайской мифологии писали БЛ.Рифтин, Э.М.Яншина, о литературе древнего Китая - И.С. Лисевич, об историографическом изучении текста - Е.П.Синицын. Но все это - в классическом русле доброго старого китаеведения, отечественного и мирового. Прорыв произошел в 1976 г., когда была опубликована книга В.С.Спирина «Построение древнекитайских текстов».

Следует отметить, что книга Спирина явилась для многих своего рода откровением, показав возможность структурного анализа иероглифического текста. А.И.Кобзев проверил этот метод на философских текстах,

А.М.Карапетьянц - на канонических. Затем последовало большое число новых апробаций. В результате в 80-90-е годы в отечественном китаеведении усилиями в первую очередь молодого поколения идеи Спирина, а затем и А.И.Кобзева были подхвачены и стали активно реализовываться, грозя увести многих молодых специалистов от изучения конкретной истории и вообще проблематики древнего (и не только древнего) Китая в сторону формально-структуралистских поисков и построений.

В связи с изменениями идеологической ситуации, к 1970-гг. формируется новая генерация отечественных исследователей, работающих и поныне. В основном они сгруппированы в рамках академических институтов: ИВ РАН в Москве, СПб. филиала ИВ РАН (с 2007 г. Институт восточных рукописей РАН), Института Дальнего Востока РАН, а также учебного Института стран Азии и Африки при МГУ и Восточного факультета ЛГУ/СПбГУ. Серьёзным достижением отечественного китаеведения стало издание в 1983-1984 гг. «Большого китайско-русского словаря» в 4 тт. (свыше 16 тыс. иероглифов, 250 тыс. словарных единиц). Он создавался под редакцией И. М. Ошанина с середины 1950-х гг. О значимости этого издания свидетельствуют его переиздания в КНР.

Крупнейшим научным проектом начала 2000-х годов ИДВ РАН является энциклопедия «Духовная культура Китая», аналогов которой нет в мировом китаеведении. Она подготовлена отечественными китаеоведами и издана «Восточной литературой» в 2006-2010 годах.

В 1990-е гг. в связи с изменением места Китая в мире центры по изучению Китая и преподаванию китайского языка возникли во многих ВУЗах России, в частности, большой центр открылся в РГГУ, в университетах Владивостока, Красноярска, Казани. В России открылись филиалы международного Института Конфуция.

ЛЕКЦИЯ 8. СПЕЦИФИКА СИНОЛОГИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В своих исследованиях китайской цивилизации ряд ученых обращались на источниковедческую базу и методологию изучения культур Восточно-Азиатского региона, в том числе и Китая, разработанную белорусскими антропологами, историками, философами XIX–XX вв. культурное пространство Китая на протяжении двух десятилетий было объектом изучения И.А. Гошкевича, который исследовал духовную и материальную культуру китайцев, их язык, традиции, обычаи, обряды, историю страны, литературу, искусство, философию. Материалы и сочинения послужили основой для серии научных публикаций.

С гуманистическо-пацифистской позиции исследовал взаимодействия западной и восточной культур как пограничных на материалах китайской действительности М.К. Судиловский. В своих работах «Западный и восточный человек», «Южный человек», «Американский индивидуализм» и др. философ доказал, что несмотря на то, что западная и китайская культуры являются противоположными и поэтому перенос западных социокультурных стереотипов в контексте процессов глобализации на азиатскую почву невозможно, диалог культур является единственным механизмом, благодаря которому возможно избежать глобального конфликта. Эта идея не потеряла своей актуальности и на сегодняшний день.

Обоснованно, без искажения существующих реалий, исследовал социально-культурные и этнические процессы Китая О.М. Ковалевский. Владеющий арабским, китайским, персидским, татарским языками, он углублялся в сущность национального характера, менталитета, религиозного мировоззрения, нравов, традиций китайских этносов. Итогом его научной деятельности стали «Краткая грамматика монгольского книжного языка», «Монгольская хрестоматия», «Монголо-русско-французский словарь» и другие.

Повышенный научный интерес к далекой восточной стране появился в 1920—1930-х гг.

В межвоенный период одними из первых интерес к Китаю стали проявлять историки. По общим подсчетам автора, за весь рассматриваемый период исследованием истории Китая занималось около десяти человек. В своем большинстве это были преподаватели минских вузов. Китаю отдавался приоритет среди изучавшихся страны Азии, причем работы по синологии составляли 50 % от общего количества всех публикаций. Авторы в большинстве разрабатывали так называемые «политически острые темы», анализируя в основном национально-освободительное и революционное движение. Для большинства этих работ характерна публицистичность, бескомпромиссность суждений, временами тенденциозный подбор фактов в поддержку той или иной позиции.

Первой работой, в которой рассматривалась история Китая, и одновременно первой в БССР по истории Востока, была статья Л. Кагана «Великий Сунь», написанная практически сразу после смерти Сунь Ятсена — 12 марта 1925 г. В ней автор стремился дать «краткий обзор важнейших событий в Китае за последнее время»

В 1930 г. вышла книга В. А. Сербенты «Китайская революция». В работе автор анализирует исторические условия «революционного взрыва» 1920-х гг. с XVI в. до событий 1911 г. Характеризуя события 1925—1927 гг., историк делает вывод, что это была репетиция событий будущего, несмотря на то, что ни одна из задач революции не была решена.

Так, историк В. Стальной в своей книге «Мировой экономический кризис и империализм на Дальнем Востоке» анализировал действия крупнейших капиталистических стран мира, в первую очередь Японии, по отношению к Китаю.

В 1932 г. научный сотрудник АН БССР К. Кернажицкий опубликовал статью о забастовке китайцев в 1916 г. в Витебской губернии, достаточно необычном факте в белорусской истории.

В течение 1934—1937 гг. в БССР не было издано работ по китайской проблематике. В последующие годы можно отметить научную деятельность преподавателя исторического факультета БГУ Г. В. Ефимова, синоведа по своей научной специальности. Однако Ефимов, будучи доцентом Ленинградского университета, в Беларуси не печатался, но все же отметим, что исследования ученого была посвящена в основном анализу разных аспектов деятельности Сунь Ятсена.

В 1938 г. Госиздатцентром Беларуси был опубликован сборник статей, посвященный борьбе Китая против начавшейся агрессии со стороны Японии. Однако их авторы были не из БССР, а в основном китайские коммунисты.

Таким образом, в 1920—1930-х гг. в Беларуси начались исследования в области новой и новейшей истории Китая, однако, ввиду отсутствия специалистов-синоведов и неблагоприятных общественно-политических условий белорусская довоенная китаистика не смогла сформироваться в самостоятельную научную школу и представлена немногочисленными публикациями.

Исследования китайской культуры в западных и восточных странах, в том числе и в Беларуси продолжают и сегодня. Культуру и историю Китая изучают не только ученые, но и синология уже давно стала учебной дисциплиной в образовательных учреждениях многих стран мира, в том числе и в Беларуси.

Изучение и распространение китайского языка в нашей стране свидетельствует, что в Беларуси весьма быстро растет интерес к изучению китайским языком. В ряде белорусских средних школ китайский язык изучается в качестве первого иностранного языка. Например, Центр китайской культуры и письменности функционирует уже много лет у гимназии №12 г.Минска. также юные минчане имеет возможность изучать китайский язык в гимназиях № 11, 18, 33, 35, 36, 40 и средней школе № 170. в качестве факультатива ее преподают в минской гимназии № 23. кроме того, в ряде школ и гимназии Минска китайский язык изучают в рамках программы

дополнительного образования. Сегодня китайский язык включена в перечень учебных предметов, которые сдаются в рамках централизованного тестирования. Также на ней проводятся соревнования на республиканской студенческой олимпиаде.

Таким образом, можно утверждать, что у значительной части белорусов сформировался устойчивый интерес к китайской культуре и языку как к ее ядру и средству социокультурной коммуникации. Этим обусловлено создание в Минском государственном лингвистическом университете в 2018 году первого в Беларуси факультета китайского языка и культуры, где проводится подготовка преподавателей, переводчиков и специалистов по межкультурной коммуникации в сфере внешнеэкономических связей. Сотрудники факультета поддерживают тесные контакты с Восточно-Китайским педагогическим университетом, Пекинским университетом иностранных языков, Шанхайским университетом иностранных языков.

В современном белорусском обществе в условиях активного взаимодействия с Китаем с каждым годом все больший интерес приобретает изучение истории, культуры, политики, экономики и т.д. Китая, что с позиции перспективного развития позволит улучшить межкультурные интеракции. В связи с этим особую актуальность приобретает создание и функционирование школ по синологии. При Белорусском государственном университете и Белорусском государственном лингвистическом университете созданы специальности по китаеведению. В Белорусском государственном университете культуры и искусств с 2023 года функционирует специальность «Синология». В рамках образовательных дисциплин изучаются основы синологии, теория и история китайской культуры, герменевтика, аксиология и феноменология китайской культуры, особенности межкультурного диалога с Китаем, специфика межкультурных отношений Китая и Беларуси и т.д.

Также действует институт Конфуция, который координирует деятельность по взаимодействию с представителями китайской культуры, а

также оказывает образовательные услуги по изучению китайского языка и культуры.

Исследование ряда аспектов китайской культуры в рамках культурологической школы Белорусского государственного университета культуры и искусств. Исследования Лю Янь, Ван Юй, Ли Фэя, Чжао Цзенфань, Чжао Цзинь, Чжао Шеншань и др. под научным руководством белорусских культурологов П. И. Игнатовича, Ю. И. Кнатько, А. Д. Криволапа, Л. К. Кухто, А. И. Смолика, Т. Ф. Сухоцкой.

2. ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

2.1 Тематика семинарских занятий

Семинар 1. Введение. Синология и этапы ее становления

Рекомендуемая литература:

1. Бичурин, Н.Я. Серия «Классика отечественного и зарубежного востоковедения / Н.Я. Бичурин. – М.: Восточный Дом, 2020. – 896 с.
2. Бокщанин, А.А. История Китая / А.А.Бокщанин. – Москва: Восточная литература, 2021. – 213 с.
3. Бичурин, Н.Я. Серия «Классика отечественного и зарубежного востоковедения / Н.Я. Бичурин. – М.: Восточный Дом, 2020. – 896 с.
4. Кобзев, А.И. Китайская и западная синология / А.И. Кобзев // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция / Институт востоковедения РАН. - М., 2009. С.480-490.

Семинар 2. Китайская мифология как предмет исследования

Рекомендуемая литература:

1. Бичурин, Н.Я. Серия «Классика отечественного и зарубежного востоковедения / Н.Я. Бичурин. – М.: Восточный Дом, 2020. – 896 с.
2. Бокщанин, А.А. История Китая / А.А.Бокщанин. – Москва: Восточная литература, 2021. – 213 с.

Семинар 3. Интерпритация религии Китая

Рекомендуемая литература:

1. Бокщанин, А.А. История Китая / А.А.Бокщанин. – Москва: Восточная литература, 2021. – 213 с.
2. Грум-Гржимайло, Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. Том 2: моногр./ Г.Е. Грум-Гржимайло. – Москва : Высшая школа, 2018. – 265 с.

Семинар 4. Философия культуры – важнейшее направление синологии

Рекомендуемая литература:

1. Девятов, А.П. Практическое китаеведение / А.П. Девятов.- М.: Восточная книга, 2007. – 560 с.
2. Малявин, В.В. Китай в XVI-XVII вв. Традиция и культура / В.В. Малявин. – Москва: Искусство, 2015. – 215 с.

Семинар 5. Исследования развития истории культуры Китая

Рекомендуемая литература:

1. Бичурин, Н.Я. Серия «Классика отечественного и зарубежного востоковедения / Н.Я. Бичурин. – М.: Восточный Дом, 2020. – 896 с.
2. Девятов, А.П. Практическое китаеведение / А.П. Девятов.- М.: Восточная книга, 2007. – 560 с.

Семинар 6. Исследования развития истории культуры Китая

Рекомендуемая литература:

1. Белый, В.А. Современное китаеведение / В.А. Белый. – Москва : Восточный Дом, 2020. – 214 с.
2. Буяров, Д.В. Современный Китай и его окружение / Д.Е. Буяров. – Москва: СИНТЕГ, 2015.- 225 с.
3. Девятов, А.П. Практическое китаеведение / А.П. Девятов.- М.: Восточная книга, 2007. – 560 с.

Семинар 7. Современные зарубежные школы синологии

Рекомендуемая литература:

1. Алексеев, В.М. Изучение Китая в Англии, Франции и Германии / В.М. Алексеев. – Москва : СИНТЕГ, 2013. – 254 с.
2. Белый, В.А. Современное китаеведение / В.А. Белый. – Москва : Восточный Дом, 2020. – 214 с.

3. Буяров, Д.В. Современный Китай и его окружение / Д.Е. Буяров. – Москва: СИНТЕГ, 2015.- 225 с.
4. Кобзев, А.И. Китайская и западная синология / А.И. Кобзев // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция / Институт востоковедения РАН. - М., 2009. С.480-490.
5. Девятов, А.П. Практическое китаеведение / А.П. Девятов.- М.: Восточная книга, 2007. – 560 с.

Семинар 8. Современное российское китаеведение

Рекомендуемая литература:

1. Белый, В.А. Современное китаеведение / В.А. Белый. – Москва : Восточный Дом, 2020. – 214 с.
2. Буяров, Д.В. Современный Китай и его окружение / Д.Е. Буяров. – Москва: СИНТЕГ, 2015.- 225 с.
3. Российское китаеведение - устная история / отв.ред.В.Ц.Головачев. – Москва: Институт востоковедения РАН, МАКС Пресс, 2018.

Семинар 9. Специфика синологии в Республике Беларусь

Рекомендуемая литература:

1. Белый, В.А. Современное китаеведение / В.А. Белый. – Москва : Восточный Дом, 2020. – 214 с.
2. Острога, В.А. Белорусская синология периода 1925-1941гг. / В.А. Острога // Беларусь в современном мире: материалы VII Международной конференции, посвященной 87-летию образования Белорусского государственного университета, 30 октября 2008 г. / редкол.: В. Г. Шадурский. – Минск: ООО "Тесей", 2008. – С.42-43.

3. РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

3.1 Перечень вопросов по темам семинарских занятий

Тема 1. Введение. Синология и этапы ее становления

1. Сущность понятия синология.
2. Подходы к определению понятия «синология».
3. Отличительные особенности понятий «синология» и «китаеведение».
4. Исторический этап становления синологии.
5. Научное оформление знаний о Китае.
6. Образовательная парадигма синологии.

Тема 2. Китайская мифология как предмет исследования

1. Особенности зарождения китайской мифологии.
2. Китайские мифические существа.
3. Герои китайского эпоса.
4. Исследователи китайской мифологии

Тема 3. Интерпретация религии Китая

1. Специфика становления и развития религии в Китае.
2. Народная религия.
3. Особенности христианства в Китае.
4. Появление и основные направления буддизма в Китае.
5. Особенности функционирования ислама.
6. Новые религиозные течения и политика КПК в области религии.

Тема 4. Философия культуры – важнейшее направление синологии

1. Зарождение китайской философии («Книга перемен»).
2. Основные философские школы.

3. Конфуцианство как одно из наиболее важных направлений развития китайской философии.
4. Даосизм – важнейшая философская школа в Китае.
5. Школа моистов (моизм). Легизм –учение школы законников.
6. Современные философские учения «западников» и «традиционалистов» (Тань Сытуна, Сунь Ятсен, Ху Ши и др.).

Тема 5. Исследования развития истории культуры Китая

1. Характеристика стадий зарождения культуры. Юй и династия Ся.
2. Чжоуская парадигма китайской культуры.
3. Китай под властью Цинь-ши хуанди и великая ханьская империя.
4. Особенности развития культуры в эпоху Тан-Сун. Последняя национальная династия в Китае Мин и маньчжурская династия Цин.
5. Создание Китайской Республики, Сунь Ят-сен и Чан Кай-ши.
6. Мао Цзэ-дун. Китай сегодня – реформы Дэн Сяо-пина, политика Цзян Цзэ-миня.

Тема 6. Исследования развития истории культуры Китая

1. Исследование китайской культуры в XX в.
2. Факторы развития китайской культуры (политический, природный, демографический и др.).
3. Тенденции глобализации и открытость китайской культуры.
4. Становление и развитие межкультурного сотрудничества.
5. Процесс глокализации в китайской культуре.
6. Художественная культура Китая.

Тема 7. Современные зарубежные школы синологии

1. Основные направления развития и функционирования западной синологии.
2. Школа французских сиологов.

3. Английская школа синологии.
4. Немецкая школа синологии
5. Формирование шведской научной школы и ее основные представители.
6. Американская научная школа синологии.

Тема 8. Современное российское китаеведение

1. Исторические предпосылки становления и развития синологии в России.
2. Представители российской школы синологии и их работы.
3. Причины появления региональных центров изучения китайской культуры и направления их деятельности.
4. Деятельность научно-исследовательских институтов по изучению Китая.
5. Деятельность Высших учебных заведений по подготовке специалистов по синологии.

Тема 9. Специфика синологии в Республике Беларусь

1. История становления и развития синологии в Беларуси.
2. Образовательный потенциал синологии в Республике Беларусь.
3. Белорусские школы синологии.
4. Представители белорусской синологии и их работы.

3.2 Перечень вопросов к экзамену

1. Сущность понятия “синология”.
2. Подходы к определению понятия “синология”.
3. Отличительные особенности понятий «синология» и «китаеведение».
4. Исторический этап становления синологии.
5. Научное оформление знаний о Китае.
6. Образовательная парадигма синологии.
7. Особенности зарождения китайской мифологии.
8. Китайские мифические существа.
9. Герои китайского эпоса.
10. Исследователи китайской мифологии.
11. Специфика становления и развития религии в Китае.
12. Народная религия.
13. Особенности христианства в Китае.
14. Появление и основные направления буддизма в Китае.
15. Особенности функционирования ислама.
16. Новые религиозные течения и политика КПК в области религии.
17. Зарождение китайской философии (“Книга перемен”).
18. Основные философские школы.
19. Конфуцианство как одно из наиболее важных направлений развития китайской философии.
20. Даосизм – важнейшая философская школа в Китае.
21. Школа моистов (моизм). Легизм – учение школы законников.
22. Современные философские учения «западников» и «традиционалистов» (Тань Сытуна, Сунь Ятсен, Ху Ши и др.).
23. Характеристика стадий зарождения культуры.
24. Юй и династия Ся.
25. Чжоуская парадигма китайской культуры.
26. Китай под властью Цинь-ши хуанди и великая ханьская империя.

27. Особенности развития культуры в эпоху Тан-Сун.
28. Монгольское завоевание Китая и период Юань.
29. Последняя национальная династия в Китае Мин и маньчжурская династия Цин.
30. Создание Китайской Республики, Сунь Ят-сен и Чан Кай-ши.
31. Гражданская война в Китае и образование КНР.
32. Мао Цзэ-дун. Китай сегодня – реформы Дэн Сяо-пина, политика Цзян Цзэ-миня.
33. Исследование китайской культуры в XX в.
34. Тенденции глобализации и открытость китайской культуры.
35. Становление и развитие межкультурного сотрудничества.
36. Процесс глокализации в китайской культуре.
37. Современная китайская массовая культура.
38. Художественная культура Китая.
39. Итальянская синологическая школа.
40. Основные направления развития и функционирования западной синологии XIX века.
41. Основные представители западной синологии.
42. Школа французских сиологов.
43. Английская школа синологии.
44. Немецкая школа синологии.
45. Характерная особенность китаеведения XX в.
46. Специфика научного исследования переводных текстов
47. Формирование научно-исследовательских центров синологии.
48. Основные представители и их идеи.
49. Основные направления синологии XX века.
50. Формирование шведской научной школы и ее основные представители.
51. Американская научная школа по синологии.
52. Деятельность китаеведческих центров.

53. Основные представители современных европейских китаеведческих центров
54. Основные представители современной американской научно-образовательной школы.
55. Формирование самостоятельных направлений исследований
56. Влияние переводной литературы на развитие современной синологии.
57. Монографическое изучение проблем Китая в работах американских исследователей
58. Современная синология в контексте образовательной парадигмы.
59. Исторические предпосылки становления и развития синологии в России
60. Представители российской школы синологии и их работы.
61. Причины появления региональных центров изучения китайской культуры и направления их деятельности.
62. Деятельность научно-исследовательских институтов по изучению Китая.
63. Деятельность Высших учебных заведений по подготовке специалистов по синологии
64. История становления и развития синологии в Беларуси.
65. Образовательный потенциал синологии в Республике Беларусь.
66. Белорусские школы синологии.
67. Представители белорусской синологии и их работы.

3.3 Критерии оценки результатов учебной деятельности студентов

Для выявления и исключения пробелов в знаниях студентов рекомендуется использовать следующие средства:

- 1) фронтальный опрос на лекциях и семинарских занятиях;
- 2) подготовка презентаций;
- 3) выполнение заданий с произвольной формой ответа для контроля умения анализировать и грамотно излагать и формулировать свои соображения и выводы в данной предметной области.

4. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

4.1 Учебно-методическая карта учебной дисциплины

Дневная форма получения образования

Название темы	Количество аудиторных часов		Количество часов УСР	Форма контроля знаний
	лекции	семинарские/ практические занятия		
Тема 1. Введение. Синология и этапы ее становления	2	2		
Тема 2. Китайская мифология как предмет исследования	2	2		
Тема 3. Интерпретация религии Китая	2	2		
Тема 4. Философия культуры – важнейшее направление синологии	2	2		
Тема 5. Исследования развития истории культуры Китая	2	4	2	кругл. стол
Тема 6. Современные зарубежные школы синологии	4	2	4	инд. задания
Тема 7. Современное российское китаеведение	4	2	2	инд. задания
Тема 8. Специфика синологии в Республике Беларусь	2	2	2	инд. задания
Всего...	20	18	10	

4.2 Список основной литературы

1. Алексеев, В.М. Изучение Китая в Англии, Франции и Германии / В.М. Алексеев. – Москва : СИНТЕГ, 2013. – 254 с.
2. Белый, В.А. Современное китаеведение / В.А. Белый. – Москва : Восточный Дом, 2020. – 214 с.
3. Буяров, Д.В. Современный Китай и его окружение / Д.Е. Буяров. – Москва: СИНТЕГ, 2015.- 225 с.
4. Грум-Гржимайло, Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. Том2: моногр./ Г.Е. Грум-Гржимайло. – Москва : Высшая школа, 2018. – 265 с.
5. Кобзев, А.И. Китайская и западная синология / А.И. Кобзев // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция / Институт востоковедения РАН. - М., 2009. С.480-490.

4.3 Список дополнительной литературы

1. Адамчик, В. В. История Китая / В. В. Адамчик. – М. : АСТ, 2007. – 736 с.
2. Бичурин, Н.Я. Серия «Классика отечественного и зарубежного востоковедения / Н.Я. Бичурин. – М.: Восточный Дом, 2020. – 896 с.
3. Бокщанин, А.А. История Китая / А.А.Бокщанин. – Москва: Восточная литература, 2021. – 213 с.
4. Девятов, А.П. Практическое китаеведение / А.П. Девятов.- М.: Восточная книга, 2007. – 560 с.
5. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН – М.: Вост. лит. – [Т. 3:] Литература. Язык. Письменность / ред. М. Л. Токарев и др. – 2008. – 855 с.: ил.
6. История китайской цивилизации. [В 4 т.]. Т. 1. С древнейших времен до 221 г. до н. э. / Российская академия наук. Институт восточных рукописей ; гл. ред. т. Янь Вэньмин ; зам. гл. ред. Ли Лин ; пер. с кит. под ред. И. Ф. Поповой, М. Ю. Ульянова. - Москва : Шанс, 2021. - 670, [1] с., [12] л. цв. ил.
7. История китайской цивилизации. [В 4 т.]. Т. 2. Цинь, Хань, Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии (221 до н. э. - 581) / Российская академия наук. Институт восточных рукописей ; гл. ред. т. Чжан Чуаньси ; зам. гл. ред. Ван Банвэй ; пер. с кит. под ред. И. Ф. Поповой. - Москва : Шанс, 2021. - 606, [1] с., [11] л. цв. ил.
8. История китайской цивилизации. [В 4 т.]. Т. 3. От династий Суй и Тан до середины правления династии Мин (581-1525) / Российская академия наук. Институт восточных рукописей ; гл. ред. т. Юань Синпэй ; зам. гл. ред. Дэн Сяонань ; пер. с кит. под ред. И. Ф. Поповой. - Москва : Шанс, 2021. - 733, [1] с., [14] л. цв. ил.
9. История китайской цивилизации. [В 4 т.]. Т. 4. Конец правления династии Мин и династии Цин (1525-1911) / Российская академия наук. Институт восточных рукописей ; гл. ред. т. Лоу Юйле ; зам. ред. т. Лю

Юнцян ; пер. с кит. под ред. И. Ф. Поповой. - Москва : Шанс, 2021. - 794, [1] с., [16] л. цв. ил.

10. Малявин, В.В. Китай в XVI-XVII вв. Традиция и культура / В.В. Малявин. – Москва: Искусство, 2015. – 215 с.

11. Мацель, Валерий Михайлович. Беларусь - Китай: 30 лет по пути дружбы и взаимовыгодного сотрудничества : [монография] / В. М. Мацель. - Минск : [Академия управления при Президенте Республики Беларусь], 2021. - 383 с. : цв. Фот.

12. Российское китаеведение - устная история / отв.ред. В.Ц.Головачев. – Москва: Институт востоковедения РАН, МАКС Пресс, 2018.

13. Яншина, Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии / Э. М. Яншина. – М.: Наука, 1984. – 248 с.